

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1915.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ЧЕТЫРЬМА РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лив., № 12.

1916.

ОТЗЫВЫ О ПРЕМИРОВАННЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ.

Отзывъ В. В. Бартольда и Я. И. Смирнова о трудахъ Н. Я. Марра по изслѣдованію древностей Ани¹:

1) XI-я Анійская археологическая кампанія. Н. Марръ. Приложение къ труду: Книжная исторія Ани и раскопки на мѣстѣ городища. Съ 2 таблицами и 60 рисунками въ текстѣ. [Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, кп. XIII]. С.-Петербургъ. 1913.

2) Памятники Армянскаго Искусства. — Ани. Дворцовая церковь. Подъ редакціей академика Н. Я. Марра по обмѣрамъ и чертежамъ архитектора-художника Н. Г. Бувиатова. — Выпускъ первый. Изданіе Анійскаго Музея древностей. Петроградъ. 1915.

Около сорока лѣтъ тому назадъ, 31 іюля 1877 г., графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ († 29 декабря 1884 г.),² памяти котораго посвящено настоящее собраніе нашего Общества, открывая IV Археологическій Сѣздъ въ Казани, характеризовалъ этотъ городъ, «какъ преддверіе Востока, коего судьбы издавна связаны съ нашею отечественною исторіей». «Прослѣдить эту связь, — говорилъ онъ, — можно не только во времена почти первобытныя, но и теперь еще эта связь не прервана. Одно только можно замѣтить, что взаимныя отношенія измѣнились: въ старину Востокъ вліялъ на древнюю Русь, а теперь Россія распространяетъ просвѣщенное вліяніе на дальнія страны Востока».

Рѣчь графа Уварова³ кончалась тогда слѣдующими словами, которыя волею судьбы оказываются *mutatis mutandis* умѣстными и теперь: «Сегодня

¹ [На основаніи этого отзыва въ чрезвычайномъ Общемъ Собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 29 декабря 1915 г. П. Я. Марру была присуждена большая золотая медаль имени гр. А. С. Уварова. *Ред.*]

² Труды IV Археологическаго Сѣзда въ Россіи. Томъ I. Казань. 1884, стр. XXV сл. — Гр. А. С. Уваровъ. Сборникъ. Москва. 1910. Томъ III. Матеріалы для біографіи и статьи по теоріи археологій, стр. 155.

вечеромъ начнется разрѣшеніе разныхъ ученыхъ вопросовъ о Востокѣ и въ тѣ же дни, когда мы будемъ здѣсь обсуждать эти вопросы, иной вопросъ о Востокѣ будетъ разрѣшаться на Балканахъ, на низовьяхъ Дуная, въ верховьяхъ Евфрата. Мы здѣсь разрѣшеніемъ научныхъ вопросовъ внесемъ новый свѣтъ въ исторію Востока, — тамъ наши братья будутъ разрѣшать инымъ орудіемъ вѣковой Восточный вопросъ, чтобы внести въ среду единоплеменныхъ намъ народовъ свободу и образованность».

Закрывая Казанскій Съѣздъ, гр. Уваровъ сообщалъ о принятомъ тогда рѣшеніи устроить слѣдующій Съѣздъ въ Тифлисѣ, и на организацию тамъ V Археологическаго Съѣзда ушли четыре послѣдующіе и предпоследніе года жизни графа А. С. Уварова.

Всѣмъ вамъ извѣстно, сколь существенное значеніе для археологическаго изученія Кавказа имѣлъ этотъ Съѣздъ, подготовительныя къ нему работы и непосредственные его результаты: рядъ экспедицій и раскопокъ осуществленъ былъ самимъ графомъ Уваровымъ и привлеченными имъ сотрудниками, блестяще прошедшій Съѣздъ расширилъ и углубилъ вниманіе къ древностямъ мѣстнаго общества, наша археологическая литература обогатилась «Сборникомъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа», составленнымъ нашимъ покойнымъ сочленомъ И. В. Помяловскимъ, и двумя объемистыми томами трудовъ Подготовительнаго Комитета и самаго Съѣзда, во слѣдъ за которыми начали появляться томы, — теперь ихъ уже двѣнадцать, — «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», содержащіе драгоценныя данныя для познанія памятниковъ древности на Кавказѣ и въ сопредѣльныхъ странахъ.

Слова графа А. С. Уварова о просвѣтительномъ движеніи Россіи на Востокъ подтвердились, въ области отвлеченнаго научнаго изученія древностей Кавказа, дѣлами его самого, его сподвижниковъ и его преемниковъ какъ по Московскому Археологическому Обществу, такъ и по Кавказскому Отдѣленію послѣдняго.

Сбылись, хотя и со значительными урѣзками, и политическія мечты, о которыхъ говорилъ графъ А. С. Уваровъ: въ частности, въ Закавказьи, «Арпачайская струя» перестала быть порубежною и величественныя развалины столицы Арменіи эпохи Багратидовъ, на которыя цѣлые полвѣка смотрѣли черезъ рѣку казаки Авійскаго пограничнаго поста, вошли въ предѣлы Россійской Имперіи, а съ развалинами этими пришли къ намъ и задача ихъ изученія и обязанность ихъ сохраненія.

Раньше, когда «Тысяча Одна Церковь», — какъ называли турки развалины Ани, — находились на окраинѣ имперіи Османской, истинными хозяевами этой мѣстности были курдскіе беки, сидѣвшіе въ замкѣ Магаз-

берда и мало считавшіеся съ ближайшими представителями государственной власти, съ пашами Карса, а потому мѣсто это представлялось однимъ изъ опаснѣйшихъ для европейскихъ путешественниковъ¹, да и они сами одно-сторонне увлекались сначала памятниками классической древности, а потомъ памятниками древняго Востока. Въ 1701 г. Жозефъ де-Турнефоръ узналъ о существованіи развалинъ Ани лишь тогда, когда проѣхалъ уже мимо, но утѣшился предположеніемъ, что тамъ нѣтъ ничего интереснаго для путешественника, такъ какъ смотрѣть, по его мнѣнію, стояло развалины лишь греческихъ городовъ: «il n'y a que les débris des villes grecques qui méritent d'être vëus», — писалъ онъ².

Первое въ европейской литературѣ подробное описаніе развалинъ далъ англійскій художникъ Робертъ Керъ-Портеръ, снѣшно объѣхавшій ихъ осенью 1817 г. съ полученнымъ отъ Ермолова конвоемъ изъ десяти туземныхъ всадниковъ, которые своимъ отчаяннымъ видомъ произвели на него впечатлѣніе наибольшихъ головорѣзовъ, какихъ онъ видѣлъ на Кавказѣ; къ сожалѣнію зимняя стужа и ранніе сумерки не позволили ему зарисовать ни одного зданія; развалины же были тогда, повидимому, въ лучшей сохранности, чѣмъ позднѣе, когда явились первые русскіе ихъ описатели: Керъ-Портеръ ясно видѣлъ еще направленіе улицъ и устройство домовъ³. Другой англичанинъ, тщетно искавшій въ Азербейджанѣ и Арменіи греческихъ и латинскихъ надписей, видѣлъ въ 1825 году на одной изъ Анійскихъ церквей несуществующую теперь надпись греческими буквами, но не на греческомъ, по его мнѣнію, языкѣ⁴.

¹ Journal of the R. Geograph. Society. Vol. III, p. 45; Ker-Porter. Travels, Vol. I, p. 175; Texier. Arménie, Perse etc. I, p. 118, 119; William J. Hamilton. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. Vol. I, p. 103.

² Pitton de Tournefort. Relation d'un voyage au Levant. Amsterdam. 1718. Vol. II, p. 153. Тотъ именно мотивъ, который онъ приводилъ, какъ преимущество городовъ греческихъ: «parcequ'on y trouve toujours quelques restes d'inscriptions lesquelles bien souvent sont d'un grand secours pour débrouiller l'ancienne géographie» — приложимъ былъ бы къ развалинамъ Ани, пожалуй, болѣе, чѣмъ къ какимъ либо инымъ, если бы исторія и географія средневѣковаго Востока считались столь же достойными вниманія европейца.

³ Sir Robert Ker-Porter. Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia etc. etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820. Vol. I. London, 1821, pp. 160—176.

⁴ Ииѣмъ въ виду свидѣтельство полковника (позднѣе генерала) индійской арміи W. Monteith'a [Journal of the R. Geographical Society of London. Vol. III, part. 1. London. 1833, p. 44: on one [church] I remarked an inscription in the Greek character, but imagine it must have been in some other language, as I have never been able to get it decyphered (The Armenians at one time used the Greek character)] о какой то непонятной надписи греческими буквами, въ которой онъ склонялся былъ видѣть надпись на армянскомъ языкѣ до изобрѣтенія армянскаго алафита. Предупрежденія такого предположенія относительно надписи на одной изъ Анійскихъ, относительно позднихъ, церквей не подлежатъ сомнѣнію. Утвержденіе же, — быть можетъ, конечно, также ошибочное, — что надпись греческими буквами была не греческая, напоминаетъ загадочную надпись, нынѣ исчезнувшую, срисованную въ

Первымъ европейцемъ, который скопировалъ въ 1838 г. нѣсколько армянскихъ надписей со стѣнъ Анійскихъ развалинъ, былъ французъ Борѣ, но копія его пропала¹.

Французской же экспедиціи въ Персію архитектора Шарля Тексье, пробывшаго со своими двумя помощниками, живописцемъ и топографомъ, осенью 1839 г. на развалинахъ Ани цѣлыхъ три дня, — пока всадники Магазбердскаго бека, въѣхавъ на лошадяхъ въ церковь, гдѣ работалъ Тексье, не предложили ему немедленно покинуть развалины—Европа обязана первымъ², прекрасными для своего времени, но неудовлетворяющими современнымъ требованіямъ, рисунками Анійскихъ памятниковъ³; не удивительно, конечно, если въ одиннадцати таблицахъ Тексье, посвященныхъ развалинамъ Ани и вырисованныхъ по спѣшнымъ наброскамъ и промѣрамъ, оказывается теперь при провѣркѣ ихъ по оригиналамъ столько ошибокъ и неточностей, по подлиннымъ рисункамъ, завѣщанные Тексье Британскому Обществу Архитекторовъ въ Лондонѣ, должны быть использованы при

1850 г. Кестнеромъ съ церкви св. Григорія (1215 г.), т. е. съ т. н. «Греческой церкви», упоминаемую Броссе (*Les ruines d'Ani*, p. 14) и изданную И. В. Помяловскимъ (Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа. 1881, стр. 75, № 144); въ греческой ея части передъ 8-мъ стихомъ XXV псалма, соглѣтъ, отдѣленная отъ него крестомъ, около двадцати буквъ, оставшихся непонятными издателямъ; П. П. Сычевъ въ докладѣ о росписи этой церкви, читанномъ въ засѣданіи нашего Общества 17 декабря 1911 года (см. Записки Кавкасскаго Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. VII, стр. 198, и Приб. къ 44 вып. Изв. Имп. Арх. Комм., стр. 2—3) указывалъ на возможность усмотрѣть тамъ славянскія слова: «Блорови си церкви пишуще». Столь неожиданная и маловероятная сама по себѣ, но крайне интересная для насъ, возможность дѣлаетъ желательными поиски копіи съ той надписи, о которой упоминалъ Monteith и которую можно, повидимому, отождествить съ выше указанной славяно(?)-греко-грузинской якобы «на западныхъ дверяхъ храма», гдѣ теперь не усматривается свободнаго мѣста, гдѣ она могла бы находиться; мѣстомъ ея могла бы быть одна изъ рухнувшихъ аркадъ иривтора; но о. Нерсесъ Саргислянъ (стр. 128, по сообщенію намъ І. А. Орбели) отмѣчаетъ эту же греко-грузинскую надпись краскою, какъ идущую «дугонидно надъ дверью», т. е. вѣроятно, дверью въ самую церковь.

Годъ посѣщенія Monteith'омъ Ани определяемъ по стр. 33 его статьи, а о поискахъ нмъ греческихъ и латинскихъ надписей заключаемъ по стр. 4—6, 10, 14, 23, 32, 33, 37, 42, 47, 49.

¹ Grosset. *Ruines d'Ani*, p. 5, со ссылкой на *Correspondance et mémoires d'Eugène Boré*, t. II, p. 2.

² Въ Императорскомъ Эрмитажѣ хранится акварель Михаила Матвѣевича Иванова, исполненная около 1791 г. и носящая надпись: «Видъ церквей въ Великой Арменіи при рѣкѣ Арпачахъ съ гробницами знатнѣйшихъ особъ, въ дали же развалины древняго города святыя Анны» (Отдѣленіе гравюръ и рисунковъ. Шк. 74. позка 3. № 3, рис. 15, старый инвентарный № 9945); на заднемъ планѣ рисунка изображены, однако, не развалины Ани, а монастырь Хошаванкъ, около котораго и находятся двѣ изображенныя на первомъ планѣ церкви, считаемыя усыпальницами Багратидовъ (Grosset. *Les ruines d'Ani*, p. 61 ss.). Въ спискѣ бібліотеки Анійскаго Музея (Анійская серія, № 2, 1908, стр. 54, № 28) фотографія съ этой акварели, входящей въ составъ одного изъ альбомовъ рисунковъ М. М. Иванова, неточно названа фотографіей «картины Иванова».

³ Charles Texier. *Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie*. I. Paris 1842, pp. 89—117, 147—150; planches XIV—XXIV.

изученіи Анійскихъ памятниковъ, какъ незамѣнныя свидѣтельства о разрушившихся съ тѣхъ поръ частяхъ зданій.

Тексье, какъ и его предшественникъ, причину запустѣнія обширнаго города представлялъ себѣ во взятіи и разгромѣ его мусульманами; именемъ завоевателя въ всякихъ сомнѣніи являлось для Тексье громкое имя Тимура; слѣды воображаемой осады и приступа усматривалъ онъ на самыхъ стѣнахъ города, а сопровождавшій его турецкій приставъ, «корсаръ въ отставкѣ» Магомедъ, — который изъ всего множества посѣщенныхъ развалинъ древнихъ городовъ заинтересовался лишь Анійскими, — развивалъ en homme du métier подробности воображаемой осады; одно смущало его: это добрососѣдское, такъ сказать, сосуществованіе въ Ани двухъ мечетей на ряду съ церквами, не обращенными въ мечети, какъ бывало обыкновенно; самого же Тексье этотъ фактъ приводилъ къ заключенію, что «исламъ вошелъ въ Ани по договору¹».

Разъяснить возникавшіе такимъ образомъ изъ осмотра развалинъ неразрѣшимые для проѣзжихъ путешественниковъ историческіе вопросы могли помимо кабинетныхъ книжныхъ изслѣдованій лишь долговременныя и систематическія работы на мѣстѣ надъ самими памятниками и надъ множествомъ надписей, покрывавшихъ стѣны зданій.

Начало собранію историческихъ и эпиграфическихъ данныхъ объ Ани положили тѣ европейскіе «армяне разсѣянія», въ глазахъ которыхъ Ани представлялось центромъ, откуда предки ихъ разошлись по ихъ западнымъ колоніямъ: въ началѣ XIX в. о. Миннасъ Бжишкянъ составилъ пространную исторію Ани, включенную имъ въ его «Путешествіе въ Лехистайнъ (т. е. Польшу) и другія страны, обитаемыя Армянами, выселившимися нѣкогда изъ Ани»², а въ 1847 г. о. Нерсесь Саргисянъ («Топографія Великой и Малой Арменіи», на арм. яз., Венеція, 1864) списалъ 42 армянскихъ надписи на городищѣ Ани и около сотни въ сосѣднемъ монастырѣ Хошаванкѣ.

Первыя болѣе надежныя, механическія, копіи съ нѣкоторыхъ анійскихъ надписей привезъ профессоръ Дерптскаго Университета, геологъ Г. В. Абихъ, посѣтившій въ 1844 или 1845 г. городище Ани и давшій обстоятельное его описаніе съ планомъ и набросками нѣкоторыхъ зданій³;

¹ Ch. Texier. Description de l'Arménie. I, p. 96.

² Венеція. 1830; исторія Ани переведена съ нѣкоторыми сокращеніями и многочисленными примѣчаніями Brosset, въ его Les ruines d'Ani, pp. 93—142.

³ Bulletin de la classe historique-philologique de l'Académie Impériale des Sciences, t. II. 1845, col. 369—372: извлеченіе изъ письма Абиха изъ Тифлиса отъ 30 янв. 1845 г.; ib. col. 373—376: замѣчанія Броссе; нѣмецкій оригиналъ описанія Ани доставленъ былъ изъ Тифлиса въ Московскій Подготовительный Комитетъ V Археологическаго Съѣзда и напечатанъ.

хорошія описанія городища, хотя послѣ краткихъ лишь обозрѣній его, дали краснорѣчивый описатель Грузіи и Арменіи А. Н. Муравьевъ (1846 г.¹) и ученый ориенталистъ и географъ Н. В. Ханыковъ (1848 г.²). Научное изученіе Ани особенно обязано послѣднему: помимо описанія развалинъ и изданія мусульманскихъ надписей самимъ Ханыковымъ³, князь М. С. Воронцовъ по его представленію послалъ на Анійскій постъ лейтенанта Юлія Кестнера, который въ 1850 г. въ теченіе полутора мѣсяцевъ ежедневно ѣздилъ рисовать, хотя и по любительски, развалины Ани и копировать надписи.

Результаты трудовъ Кестнера и легли въ основаніе появившагося черезъ десять лѣтъ спеціальнаго изданія Броссе: *Les ruines d'Ani* (St. Pétersbourg. Ière partie: Description. 1860; IIème partie: Histoire. 1861; Atlas: 45 planches. 1860—61); если въ рисункахъ и заглазныхъ описаніяхъ памятниковъ, — самъ Броссе не воспользовался въ 1848 г. представлявшеюся ему возможностью посѣтить Ани, — и оказывается не мало неточностей и ошибокъ, если попытки Броссе согласить разпорѣчивыя показанія очевидцевъ и не всегда удачны, то исторія и эпиграфика Ани получили въ этомъ изданіи обработку, соответствовавшую современному уровню европейской науки.

Въ Россіи же явились около того же времени на смѣну рисунковъ Тексе болѣе точныя воспроизведенія нѣкоторыхъ Анійскихъ зданій въ изданіи Д. И. Гримма, который работалъ въ Ани въ 1849 или 1850 году⁴.

Такимъ образомъ близость развалинъ Ани къ нашей границѣ оказалась на пользу ихъ изученію; ко времени перехода ихъ въ наши предѣлы обра-

въ русскомъ переводѣ съ примѣчаніями Н. О. Эмина въ Протоколахъ Комитета, стр. 271—296 съ 11 рис. Письма Абиха съ Кавказа изданы были въ 1896 году особою книгою: Н. Abich. *Aus Kaukasischen Ländern. Reisebriefe*, herausgegeben von dessen Witwe. Wien. 1896; 2 тома. О вывезенной Абихомъ надписи 1206 г., см. Н. Я. Марръ. Камень съ армянскою надписью изъ Ани въ Азіатскомъ Музѣ (Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. 1910, стр. 1149—51, съ 1 рис.).

¹ Грузія и Арменія. СПб. 1848, часть II, стр. 257—288.

² *Excursion à Ani, en 1848*, par M. N. Khanukoff, напечатана у Brosset. *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie*. St. Pétersbourg. 1851. 3ème rapport pp. 121—150.—N. Khanikof. *Voyage à Ani, capitale de l'Arménie, sous les Bagratides* (Revue Archéologique. XV année. 1858—59, pp. 401—420).

³ Bull. hist. phil. VI, 1849, col. 193—197—*Mélanges Asiatiques*. I, 1849, p. 70—73; Bull. hist. phil. X, 1853, col. 81—86—Mél. As. II, 1852, p. 61—68, и у Броссе. *Les ruines d'Ani*, p. 30—31. 32. Персидскую надпись Абу Саида см. теперь въ Анійской серіи № 5: В. Бартольдъ. Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче. СПб. 1911, съ 2 табл.

⁴ D. Grimm. *Monuments d'architecture [byzantine] en Géorgie et en Arménie*. St. Pétersbourg. 1859—64. Анійскимъ памятникамъ (соборъ, двѣ церкви св. Григорія и детали другихъ зданій) посвящены таблицы В. 4.1-4, 5.1-4 (==37—44).

зовалась уже нѣкоторая научная литература объ Ани и архитектурные памятники города по рисункамъ Тексье, Кестнера и Гримма разбирались уже и въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи искусства.

Можно было бы думать, что послѣ 1878 года изученіе развалинъ Ани пойдеть еще болѣе успѣшно; но на дѣлѣ этого не произошло.

Правда, съ превращеніемъ Магазбердскаго замка въ безлюдную развалину Аниское городище стали усердно посѣщать любопытствующіе туристы, преимущественно армяне, и стѣны виднѣйшихъ развалинъ покрылись тысячами разноязычныхъ новѣйшихъ надписей, нерѣдко въ явный ущербъ надписямъ древнимъ, а тѣмъ болѣе остаткамъ росписей. Полезнѣе было появленіе въ продажѣ многочисленныхъ фотографическихъ снимковъ развалинъ, нерѣдко, конечно, съ самыми фантастическими подписями; появленіе же въ печати путевыхъ впечатлѣній и краткихъ описаній Ани туристами разныхъ національностей научнаго изученія анискихъ памятниковъ впередъ, конечно, не двигало. Интересъ къ Ани армянскаго общества удовлетворялся, помимо журнальныхъ статей, обстоятельнымъ компилятивнымъ описаніемъ развалинъ въ книгѣ о. Л. Алишана: «Ширакъ» (Венеція. 1881 г.). Въ общеевропейской литературѣ наличность изданій Тексье, Гримма и Броссе давали видимость того, что памятники Ани уже достаточно изучены; да и вообще, какъ прежде искали на Востокѣ преимущественно памятниковъ и надписей греческихъ и римскихъ, такъ теперь, во второй половинѣ XIX в., послѣ открытія ключа къ чтенію клинообразныхъ надписей, на первую очередь былъ поставленъ вопросъ о происхожденіи и распространеніи культуры Вавилона и Ассиріи, и этой задачей опредѣлялось направление болѣе части археологическихъ работъ на Кавказѣ и въ Персіи. Одинъ изъ современныхъ ориенталистовъ, — и притомъ изъ тѣхъ немногихъ среди нихъ, которые занимаются и памятниками вещественнымъ, — Максъ ванъ Бершемъ, справедливо доказываетъ, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго увлеченія такими задачами и вообще раскопками остаются невыполненными болѣе неотложныя работы по изученію памятниковъ персидской архитектуры въ Персіи, въ настоящее время еще доступныхъ для изслѣдованія безъ раскопокъ, но быстро приходящихъ въ разрушеніе¹. Такъ было и съ развалинами Ани. Защищенное величественными стѣнами городище было въ гла-

¹ Max van Berchem. L'architecture musulmane de la Perse [по поводу изданія Fr. Sarre: Denkmäler persischer Baukunst] (Journal des Savants. 1911, février, pp. 54—69), p. 69: «Mais les monuments qui meurent échappent aux fouilleurs et aux voyageurs pressés. Relevons-les avant que leur ruine complète les livre à la pioche; c'est une question d'opportunité. Nous ferons oeuvre aussi utile et il nous en coûtera moins cher qu'à nos petits enfants d'en exhumer un jour les débris».

захъ прежнихъ турецкихъ властей «крѣпостью» и въ качествѣ таковой перешло сперва въ собственность нашего военно-инженернаго вѣдомства, а потомъ сдавалось, какъ оброчная статья Министерства Государственныхъ Имуществъ, подъ выпасъ скота жителямъ сосѣднихъ деревень. Возрастаніе старыхъ и постройка новыхъ селеній естественно дѣлали изъ пустынного, никѣмъ не охраняемаго, городища родъ даровой каменоломни, гдѣ втуне лежало столько готоваго тесаннаго камня разныхъ сортовъ.

Правда, патриотическое наломничество армянъ на развалины ихъ бывшей столицы имѣло результатомъ и поселеніе тамъ эчміадзинскаго архимандрита, но онъ заботился преимущественно лишь о пріютѣ и пищѣ для посѣтителей, да изрѣдка совершалъ богослуженіе въ развалинахъ собора.

Таковы были ближайшія послѣдствія включенія городища Ани въ предѣлы нашего отечества.

Хотя при обсужденіи программы занятій V Археологическаго Съезда имя Ани упоминалось, конечно, неоднократно, хотя въ Протоколахъ Подготовительнаго Комитета помѣщенъ былъ русскій переводъ описанія Ани Абигомъ, хотя, наконецъ, въ одномъ изъ засѣданій этого Комитета (20 декабря 1879 г., въ Москвѣ, см. Протоколы, стр. 97) было даже намѣчено производство въ Ани «раскопокъ и изслѣдованій», но на дѣлѣ Съѣздиничего не сдѣлалъ для дальнѣйшаго изученія вновь пріобрѣтенной Россіею сокровищницы восточныхъ средневѣковыхъ древностей, такъ какъ предполагавшіяся тамъ раскопки были вскорѣ (въ засѣданіи 7 и 8 января 1880 г.; см. Протоколы, стр. 142), по предложенію самого графа А. С. Уварова, перенесены, какъ выражается протоколъ, «на другой болѣе древній пунктъ», каковымъ избранъ былъ холмъ Блуръ, предполагаемый древній Армавиръ; за это предпочтеніе Армавира Ани отомстила справедливая иронія судьбы: производившіе эти раскопки пришли къ невѣрному заключенію, якобы «поселеніе на холмѣ Блурѣ не древнѣе IV вѣка послѣ Р.Х.» и «что развалины Армавира падо искать совершенно въ другомъ мѣстѣ» (см. Протоколы Подготов. Комитета, стр. 447 = Гр. А. С. Уваровъ. Сборникъ мелкихъ трудовъ. II, 1910, стр. 147).

Цѣлыхъ десять лѣтъ прошло со времени Тифлискаго Археологическаго Съезда прежде, чѣмъ на городищѣ Ани начались научныя изслѣдованія: лѣтомъ 1891 года развалины Ани посѣтилъ глава того государственнаго учрежденія, на обязанности котораго лежать охрана и изученіе древностей всей необъятной Россійской Имперіи, предсѣдатель Императорской Археологической Комиссіи, графъ А. А. Бобринскій, и на слѣдующій же (1892) годъ Археологическая Комиссія командировала для изученія древностей Русской Арменіи молодого приватъ-доцента С.-Петер-

бургскаго Университета Н. Я. Марра, который знакомъ былъ съ развалинами Ани по осмотру ихъ еще въ 1890 году¹.

За ту четверть вѣка, которая отдѣляетъ насъ отъ перваго знакомства Николая Яковлевича Марра съ развалинами Ани, имя его связалось съ ними вѣчною и неразрывною цѣпью, скованной изъ пятнадцати-кратнаго пребыванія тамъ, изъ четырнадцати кампаній раскопокъ, изъ ряда научныхъ докладовъ и лекцій, посвященныхъ Ани, изъ цѣлой серіи печатныхъ трудовъ, изъ непрерывныхъ археологическихъ и историческихъ разысканій, изъ учрежденія на самомъ городищѣ двухъ музеевъ, изъ установленія дѣйствительной охраны развалинъ, изъ предохраненія многихъ памятниковъ отъ грозившаго имъ разрушенія и, наконецъ, изъ созданія, если еще и не *de iure*, то *de facto*, научнаго института специально для изученія древностей Ани и окрестной области древняго Ширака.

Нѣсколько звеньевъ этой длинной цѣпи падаютъ и на тотъ условный періодъ трехлѣтія 1913—1915 годовъ, о важнѣйшихъ археологическихъ трудахъ опубликованныхъ въ теченіе котораго должна имѣть сужденіе наша Комиссія по присужденію медалей имени графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.

Въ 1913 году, какъ XIII-ый томъ «Текстовъ и разысканій по армяно-грузинской филологіи», вышла книга: XI-я Анійская археологическая кампанія. Н. Марръ. Приложение къ труду «Книжная исторія Ани и раскопки на мѣстѣ городища». (СПБ. 1913. 8°. 61 стр., съ 2 таблицами и 60 рисунками въ текстѣ).

Изъ предисловія (стр. 1—2) узнаемъ, что названный въ подзаголовкѣ общій трудъ Н. Я. Марра о результатахъ его десятилѣтнихъ раскопокъ на мѣстѣ древняго Ани, «сложившійся изъ публичныхъ лекцій (1907—1908 гг.) и изъ отчетовъ о послѣдующихъ раскопкахъ», не могъ быть законченъ печатаніемъ до лѣта того (1913) года, почему отчетъ объ XI-ой археологической кампаніи въ Ани и печатался «въ качествѣ какъ бы дополненія къ появившейся еще книгѣ» (стр. 1). Къ сожалѣнію таковымъ же остается «предварительный отчетъ» этотъ и донынѣ.

Отчетъ о раскопкахъ 1912 года далеко не ограничивается подробнымъ описаніемъ открытыхъ раскопками развалинъ и отдѣльныхъ въ нихъ находокъ и воспроизведеніемъ важнѣйшаго въ планахъ и многочисленныхъ рисункахъ; къ фактическому описанію найденнаго присоединяется рядъ пояснительныхъ экскурсовъ, аналогій и сопоставленій, иногда лишь во-

¹ Записки Восточн. Отдѣл. Имп. Русск. Арх. Общ., т. V, стр. VII и 211.

просовъ, которые въ общемъ дѣлають содержаніе этой книги гораздо болѣе важнымъ и широкимъ, чѣмъ его опредѣляетъ заглавіе ея.

Раскопки велись въ 1912 году въ двухъ пунктахъ городища, въ южной части города, между вышгородомъ и древнею городскою стѣною, построенной въ 964 г. царемъ Ашотомъ III: разрыты были два бугра развалины, которые значились на составленномъ въ 1908—09 г. планѣ городища подъ №№ 100 и 101.

Въ первомъ, меньшемъ, находящемся близъ западнаго края террасы, на которой стоитъ городъ, оказались развалины небольшой церкви продолговатой формы, крытой первоначально коробовымъ сводомъ, по затѣмъ перестроенной въ купольную; перестроеннымъ же оказалось и алтарное возвышеніе. Среди обломковъ надписей нашлась дата 1042 г. по Р. X. изъ надписи до перестройки церкви; передѣлку церкви изъ базиличной въ купольную изслѣдователь относитъ къ XIII вѣку (стр. 12): налчиикъ новаго алтарнаго возвышенія датируется разноцвѣтными, поставленными на уголъ въ шашечномъ порядкѣ, камнями «въ стилѣ декоровки гражданской архитектуры XII—XIII вѣка», какъ выражается авторъ (стр. 6).

Краткое описаніе (стр. 6 и 12) этой раскопки щедро иллюстрировано планомъ церкви (рис. 4), видомъ холмика до раскопокъ (рис. 2), видами раскопанной церкви (рис. 3, 5, 6 и 9) и изображеніями ея орнаментальныхъ деталей (рис. 7 и 8), изображенъ (рис. 11) и найденный здѣсь же крестный камень XIII вѣка.

Второй бугоръ, поднимавшійся между большою улицей и обрывомъ ущелья Арпачая, оказался развалинами церкви продолговатой формы (см. планъ, рис. 16), съ одною лишь дверью въ южной стѣнѣ и съ оригинальнымъ, не имѣющимъ себѣ аналогій, широкимъ выступомъ западной стѣны, которому внутри соответствуютъ три небольшихъ полукруглыхъ ниши; покрыта церковь была куполомъ, опиравшимся на четыре устоя; лицевая сторона алтарнаго возвышенія (рис. 19) выложена квадратными камнями съ узорами въ видѣ свастики, креста, розетки, ланцетокъ и т. п., опредѣляемыми Н. Я. Марромъ, какъ «западные или древне-армянскіе церковные» (стр. 19); алтарное возвышеніе оказалось позднѣйшимъ, т. к. базы плястръ и нижній профиль стѣнъ въ алтарѣ приходились ниже даже сохранившагося пола церкви, надъ которымъ на аршинъ еще возвышался полъ алтарной части; детали орнаментаціи паружныхъ стѣнъ и барабана купола сходны съ арійскими орнаментами X-аго вѣка; многогранная крыша купола украшена была рельефными изображеніями виноградныхъ гроздьевъ и гранатовыхъ ябллокъ на стилизованныхъ стебляхъ, чему въ Ани имѣлся дотолѣ лишь одинъ примѣръ въ церкви Апостоловъ, X-аго вѣка, къ которому

относится и вновь открытая церковь. Однако, Н. Я. Марръ полагает возможным и здѣсь предполагать въ Х-омъ вѣкѣ лишь перестройку болѣе древней базиличной церкви въ купольную съ замѣпою обычной западной двери тремя нишами (стр. 17, 19, 20, 23—25, 29—31); къ сожалѣнію, въ настоящемъ отчетѣ предположеніе это остается не вполне доказаннымъ, такъ какъ реальныя основанія его излагаются не достаточно подробно. Несомнѣнны зато дальнѣйшія судьбы церкви: устройство кладбища къ югу отъ нея на дворѣ, когда уровень его значительно выросъ и закрылъ обычныя въ армянской архитектурѣ три ступени въ основаніи вышнихъ стѣнъ церкви, и пристройка къ юго-восточному углу церкви большого пьедестала, назначеніе котораго изслѣдователь опредѣлилъ, какъ основаніе колокольни, что и доказывается, помимо обломковъ небольшого колокола, надписью о построеніи колокольни; одинъ изъ кусковъ ея пайдеи былъ заложенымъ въ очагъ, принадлежавшій позднѣйшимъ обитателямъ Ани, которые гнѣздились въ развалинахъ лучшихъ временъ жизни города. Имена строителей колокольни оказались извѣстными изслѣдователю изъ другихъ надписей 1270-хъ годовъ (стр. 37). Вокругъ этой церкви раскопана была часть прилежавшаго квартала, гдѣ оказалось нѣсколько комнатъ выдающейся величины и отдѣлки; такъ въ одномъ большомъ покоѣ сохранилась возвышенная терраса, съ нишами для снимаемой обуви въ лицевой стѣнкѣ ея, и остатки большой декоративной ниши въ противоположной стѣнѣ, съ богатымъ обрамленіемъ ея рѣзными узорами (см. рис. 58 и 59) и съ шахматною выкладкой черными и красными камнями задней стѣнки ея. Было бы слишкомъ долго излагать сообщаемыя отчетомъ подробности о прочахъ многочисленныхъ, до тридцати, комнатахъ, иногда съ подпольными помѣщеніями подъ ними, о крестныхъ камняхъ (рис. 38—38, 54, 55), о комнатахъ и нишахъ въ стѣнахъ жилыхъ покоевъ, о различныхъ мелкихъ обломкахъ утвари, найденныхъ въ этихъ домахъ, начиная отъ обломковъ стеклянныхъ росписныхъ сосудовъ и пестрыхъ фаянсовъ (образцы которыхъ воспроизведены въ краскахъ на таблицѣ II-ой), привозныхъ вѣроятно изъ Сиріи и Персіи, и кусковъ мѣстныхъ глиняныхъ сосудовъ: большихъ корчагъ, т. н. «карасовъ», украшенныхъ поясками рельефныхъ фигуръ, и глиняной поливной посуды съ прочерченными до обжига на бѣлой обмазкѣ узорами¹, и кончая кускомъ какого то деревяннаго рѣзного украшенія (рис. 60).

¹ Особенно интересна находка обломка чаши подобнаго рода съ частью армянской надписи, сохранившей лишь собственное имя Хоцадеіъ, извѣстное изслѣдователю по нѣсколькимъ надписямъ XIII в. и справедливо относимое имъ скорѣе къ заказчику чаши, нежели къ ея изготовителю (стр. 59—60).

Въ поясненіе отчета приложенъ (таблица I) точный планъ всего раскопаннаго участка и многочисленныя виды раскопанныхъ зданій (рис. 30, 40—44, 52, 56—57) и ихъ деталей (рис. 10, 45—53, 58—59, 60).

Такова описательная часть отчета, но ею Н. Я. Марръ не ограничился: онъ касается попутно и тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые затронулись ближайшимъ образомъ раскопками отчетнаго года. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о столь часто наблюдаемыхъ перестройкахъ церквей базиликальнаго типа въ купольныя, относительно котораго Н. Я. Марру приходилось говорить въ нашемъ Обществѣ я равнѣ, напримѣръ, при докладѣ статьи Тораманяна о перестройкахъ Эчмиадзинскаго собора¹; тотъ же архитекторъ разсматривалъ аналогичный примѣръ въ своей армянской книгѣ о столь извѣстномъ въ исторіи архитектуры еще со временъ Тексѣ храмѣ въ Текорѣ², а кн. И. А. Джаваховъ разбиралъ недавно подобный же фактъ на территоріи Грузіи, въ т. н. «сіонѣ» Атескомѣ³. Въ разсматриваемомъ отчетѣ о раскопкахъ 1912 г. Н. Я. Марръ не только констатируетъ передѣлку въ XIII в. малой церкви, но предполагаетъ таковую же и для большой церкви въ X вѣкѣ; если второе предположеніе и не кажется намъ пока вполне доказаннымъ, такъ какъ среди изданныхъ орнаментальныхъ деталей ея (см. рис. 23—27, 29) не видно такихъ, которыя требовали бы болѣе древней даты, то весьма важно отнесеніе наличнаго вида «Анійскаго собора, законченнаго постройкою въ 1001 году, по деталямъ его орнаментаціи къ памятникамъ анійскаго церковнаго строительства XII—XIII вѣка» (стр. 43): «каждое древнее зданіе временъ царей, пишеть Н. Я. Марръ, не успѣвшее раньше разрушиться, въ Ани въ той или иной мѣрѣ перестраивалось въ XII—XIII вѣкахъ» (стр. 43); и противъ этихъ положеній возражать конечно не приходится; вѣдь иначе и быть не могло въ богатомъ, торговомъ, вольномъ городѣ, каковымъ былъ Ани и въ эти вѣка чужеземнаго, номинальнаго болѣе или менѣе, владычества. Сколь противорѣчатъ эти положенія традиционныя представленія о золо-

¹ Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. XIX, 1909, стр. 031—052: Архитекторъ Т. Тораманянъ. О древнѣйшихъ формахъ Эчмиадзинскаго храма; *ibid.* 052—063: Н. Марръ. По поводу работы архитектора Тораманяна.

² Ch. Texier. Description de l'Arménie et de la Perse, 1842. I, pl. XXV—XXIX; pp. 120; 150—151; Торосъ Тораманянъ. Исторія Армянской Архитектуры. Исслѣдованія. I. Текорскій храмъ. Тифлисъ. 1911. 80, XX+106 стр., съ портр. и 65 рис. [по-армянски]. Перестройку Текорской церкви признаеть и Н. Я. Марръ: см. З. В. О. И. Р. А. О., XIX, стр. 065, и его же статью «Къ датировкѣ ктиторской надписи Текорскаго храма» (Христіанскій Востокъ, т. III, 1914, вып. 1, стр. 56—71, табл. I и II), см. стр. 66, 68, 69.

³ И. Джаваховъ. Къ вопросу о времени построенія грузинскаго храма въ Атенѣ по вновь обследованнымъ эпиграфическимъ памятникамъ (Христіанскій Востокъ. I. 1912, вып. 3, стр. 277—297).

томъ вѣкъ города лишь подъ властью самостоятельныхъ армянскихъ царей, столь же оригинальны и новы и заключенія Н. Я. Марра о сильномъ влияніи на анійское церковное искусство армянъ-халкедонитовъ, которые соответственно религиозной близости ихъ къ православнымъ церквамъ Грузіи и Византіи являлись приверженцами и проводниками и западныхъ, т. е. византійскихъ, архитектурныхъ и орнаментальныхъ формъ (стр. 29, 37—40, 42, 60); особенно интересны указанія, какъ въ этой, такъ и въ другихъ статьяхъ Н. Я. Марра, что едва-ли не всѣ извѣстные въ Арменіи остатки церковныхъ росписей обязаны исполненіемъ своимъ именно халкедонитамъ (стр. 29, 41, 42), къ вопросу о былой роли которыхъ въ исторіи Арменіи Н. Я. Марръ возвращался неоднократно¹.

Съ запада же, черезъ халкедонитовъ, явились въ Ани и колокольни съ колоколами, какъ доказываетъ Н. Я. Марръ въ экскурсѣ о нихъ, связанномъ съ вышеупомянутымъ открытіемъ остатковъ колокольни при раскопкахъ 1912 года (см. стр. 35—39) и являющемся цѣннымъ дополненіемъ статьи І. А. Орбели: «Колоколъ съ анійскими орнаментальными мотивами XII—XIII вѣка» (Зап. Вост. Отд. И. Р. А. О., т. XX, 1910, стр. 023—039); собранный въ этой статьѣ рядъ изображеній аійскихъ крестныхъ камней дополняется новой серіей ихъ въ разсматриваемомъ отчетѣ Н. Я. Марра (рис. 7, 11, 24, 26, 35, 37, 38, 54, 55) и замѣчаніями его объ ихъ орнаментации (стр. 39—40). Въ орнаментации ихъ, какъ и въ узорахъ лицевыхъ стѣнокъ алтарныхъ возвышеній, — которымъ также посвященъ особый этюдъ (стр. 17—19, 23—24, рис. 18, 19), — какъ и вообще въ армянской орнаментикѣ XI—XIV вѣковъ, Н. Я. Марръ различаетъ два элемента, называемыхъ имъ одинъ «традиционнымъ» или «церковнымъ», а другой «гражданскимъ» или «свѣтскимъ»: первымъ терминомъ обозначаетъ онъ ту оригинальную, хотя и связывающуюся нѣкоторыми элементами съ чужеземными, — сирійскими, византійскими, даже классическими, — мотивами, орнаментацию, которую находимъ мы на древнѣйшихъ церквахъ Арменіи и которая господствуетъ въ церковномъ зодствѣ до X—XI вѣка. Конечно, Н. Я. Марръ далекъ отъ того, чтобы рыть непроходимую пропасть между орнаментацией «церковной» и «свѣтской» даже въ этотъ древній періодъ: такъ, признавая «веревчатую кайму», или плетушку (рис. 25) орнаментомъ «церковнымъ», онъ, не находя ее въ древнѣйшихъ церквахъ, допускаетъ «граждан-

¹ Н. Марръ. Аркауяъ, Монгольское названіе христіанъ, въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ (Византійскій Временникъ. XII. 1905, стр. 1—68); Іоаннъ Петричій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII в. (З. В. О. И. Р. А. О.; XIX, 1909, стр. 53—113); Объ армянской иллюстрированной рукописи изъ халкедонитской среды (Изв. И. Ак. Наукъ, 1911, стр. 1297—1301) и во многихъ другихъ работахъ его.

ское» ея происхожденіе, но ранняго, до XI-го вѣка (стр. 51), времени. Тѣмъ болѣе втеченіе позднѣйшаго періода XII—XIII вѣковъ орнаментация и гражданскихъ сооружений, и крестныхъ камней и самихъ церквей насыщается новыми элементами, приводящими къ традиціонно-церковной орнаментикѣ извѣстнѣе, изъ свѣтскаго искусства того времени (стр. 6, 19, 39, 52). Называя эти новые элементы (плетенія, арабски, растительныя и животныя изображенія) «гражданскими», а иногда, напримѣръ въ академической рѣчи, сказанной четыре года тому назадъ¹, и болѣе ясно «такъ называемой мусульманской орнаментацией», Н. Я. Марръ не желаетъ, очевидно, слѣдовать общепринятому взгляду, что большинство мотивовъ этой орнаментации является дѣйствительно обще-исламскими мотивами и формами, которые господствовали на всемъ средневѣковомъ Востокѣ, оставляя болѣе или менѣе одинаковыя памятники и въ каирскихъ дворцахъ Фатимидовъ², и въ мечетяхъ Сельджукидовъ Рума, и на дверяхъ мавзолея Махмуда Газневиды³, и что этою господствующей, модной такъ сказать, обще-исламской орнаментикой того времени покорено было въ значительной мѣрѣ и церковное искусство восточныхъ христіанъ: коптовъ, сирійцевъ, армянъ. Явленіе это въ полной мѣрѣ наблюдается и въ Ани даже въ специально церковной, халкедонитской, живописи: если въ халкедонитской, построенной Тиграномъ Юенцемъ, церкви св. Григорія воспроизведеніе восточной шелковой ткани, украшенной кругами съ характерными крылатыми чудовищами, извѣстными намъ еще по сасанидскимъ оригиналамъ⁴, и возможно было бы какъ либо связывать непосредственно съ до-исламскимъ источникомъ, хотя мы знаемъ и исламскія воспроизведенія того же чудовища⁵, то личѣмъ пвнмъ, какъ повтореніемъ характерной арабско-исламской полу-

¹ Н. Я. Марръ. Кавказъ и памятники духовной культуры. Рѣчь произнесенная въ торжественномъ собраніи Импер. Акад. Наукъ 29 декабря 1911 года (= Извѣстія Импер. Акад. Наукъ. 1912 г., стр. 69—82), стр. 76.

² См. *Orientalisches Archiv*, herausgegeben von Dr. H. Grothe. III. 1912—13, Taf. XXVII—XXIX, SS. 169—174; M. Herz-Pacha: *Boiseries fatimides aux sculptures figurales*.

³ *Archeologia*. Vol. XXX. London. 1844, pp. 174—5, pl. XIV; Marco Polo, edit. H. Yule, 3-th ed., vol. II, 1903, p. 399—401.

⁴ Эта часть росписи церкви св. Григорія, построенной халкедонитомъ Тиграномъ Юенцемъ въ 1215 году, издана въ краскахъ на таблицѣ XV-ой отчета Н. Я. Марра «О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г.» (С.П.Б. 1907 = Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи. Кн. X).

⁵ Напримѣръ, на древне-арабской печати VII, якобы, вѣка (Papyrus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung. Wien. 1894, S. 136, 142), на формѣ для амулета начала X в. (Beiträge zur Assyriologie. VII. 1. 1909, S. 147—148, Abb. 23—24: чудовище названо птицей); на глиняной поливной чашѣ X в. (Матер. по Археол. Россіи, № 28, 1902, табл. VIII, рис. 1), на серебряныхъ сосудахъ съ арабской надписью X—XI вѣка (Восточное Серебро, С.П.Б., 1909, № 128; ср. № 126; M. van Berchem. *Journal Asiatique*. 1909, II, p. 403).

пальметки, нельзя объяснить непонятныя на первый взгляд красныя пятна на фонѣ полувыцветшей росписи пещерной усыпальницы того же самаго Тиграна Юененца¹.

Такую же, чрезмѣрную быть можетъ, осторожность, какъ бы не ума- лить культурной роли христіанъ средневѣковаго Востока въ пользу мусуль- манъ, проявлялъ Н. Я. Марръ постоянно, говоря о находямыхъ въ Ани про- изведеніяхъ различныхъ отраслей художественной промышленности: такъ еще въ отчетѣ за 1906 годъ онъ издалъ (табл. XIV) два бронзовыхъ кув- шина, одинъ даже съ арабскою надписью, призналъ, что оба принадлежали мусульманину, но рѣзко возражалъ противъ обычнаго признанія ихъ и имъ подобныхъ «мусульманскими на томъ основаніи, что съ извѣстной поры они готовились несомнѣнно для мусульманъ». «Это походить на то, — писалъ онъ (стр. 50), — какъ если бы антропологическіе вопросы рѣшались на основаніи церковно-конфессіональныхъ или національно-культурныхъ дан- ныхъ». Такъ и въ рассматриваемомъ отчетѣ за 1912 г., — когда найденъ былъ, какъ мы говорили уже выше, обломокъ глинянаго поливного сосуда съ армянскою надписью, — Н. Я. Марръ выражаетъ надежду, что въ бу- дущемъ изученіе анійской керамики приведетъ насъ (стр. 59) къ умѣнью различать привозныя издѣлія отъ мѣстныхъ, при чемъ къ послѣднимъ «надо относить не одни экземпляры съ армянскими надписями».

«Выясненіе этой стороны дѣла, — продолжаетъ онъ (стр. 58), — важно не для одной исторіи Ани, но и для весьма трудной проблемы гро- маднаго значенія о правильной расцѣнкѣ вкладовъ христіанскаго и мусуль- манскаго Востока въ обще-человѣческую культуру: до послѣдняго времени изслѣдователи не отдають себѣ отчета объ опасности того пути, на кото- рый они вступаютъ, огульно признавая мусульманскимъ, арабскимъ или сельджукскимъ, по художественной работѣ или техническому производству все то, что снабжено арабскою надписью или чѣмъ пользовались тѣ или иные политически господствовавшіе въ послѣднія эпохи народы. Этотъ при- митивный приемъ изслѣдованія напоминаетъ то, какъ по однимъ именамъ лицъ опредѣляютъ ихъ религію или происхожденіе, а иногда и этнической составъ народа, главарями котораго извѣстны династы съ такими именами. Сколько христіанъ, армянъ или грузинъ, на этомъ основаніи можно было бы признать или персами или арабами или турками, что весьма часто и дѣ- лается» (стр. 59). Эти соображенія Н. Я. Марра получили въ раскопкахъ

¹ Въ воспроизведеніи части этихъ росписей у Brosset (*Les ruines d'Ani*, pl. XXXV, c, cf. p. 35—36) орнаментация фона опущена; ср. I. А. Орбели. Краткій путеводитель по городу Ани. С.П.Б. 1910 (= Анійская Сербія, № 4), стр. 37.

1912 года яркое подтверждение: имена строителей вышеупомянутой колокольни были — Каримадинъ, Фахрадинъ и Даптахатуна! (стр. 36).

Эти попутные соображенія, экскурсы, сравненія, примѣры, иногда даже одни лишь вопросы, дѣлають отчетъ объ Анійскихъ раскопкахъ 1912 года,—какъ и прочіе, появившіеся полностью или въ сокращенномъ изложеніи, отчеты Н. Я. Марра,—книгою весьма важною для изученія не только памятниковъ Ани, но и многого, выходящаго далеко за предѣлы Арменіи и являющагося объектомъ изученія историковъ обще-исламской и восточно-христіанской культуры.

Помимо этихъ обще-научныхъ вопросовъ и помимо отчета о раскопкахъ мы находимъ въ этой же книгѣ и указанія на ту сторону дѣятельности Н. Я. Марра въ Ани, которая лежитъ, строго говоря, на обязанности не отдѣльнаго ученаго, а всего государства, а именно указанія на мѣры, принятыя къ поддержанію самихъ памятниковъ, грозящихъ разрушеніемъ.

Въ 1912 г. подведены были подпорныя каменные кладки подъ западную стѣну древнѣйшей изъ церквей Ани — Дворцовой, подъ восточную стѣну т. п. Грузинской церкви, подъ стѣны круглой церкви Спасителя и подъ нѣкоторыя, наиболее опасныя, части церкви Апостоловъ, чѣмъ и обезпечена сохранность этихъ зданій, вѣроятно, еще на нѣсколько столѣтій. На меньшій срокъ огражденіемъ проволочными сѣтками обезпечены лицевая стѣнка алтарнаго возвышенія бѣльшей церкви и орнаментальная ниша въ сосѣднемъ съ церковью покоѣ, открытыя въ 1912 году, а равно и стоящія передъ новымъ музеемъ надписи персидская (нач. XIV в.) и грузинская 1218 г. (стр. 3 и 4)¹.

Но обширность Анійскаго городища, многочисленность и величина развалинъ таковы, что о полной и своевременной поддержкѣ всѣхъ стоящихъ еще остатковъ былаго великолѣпія города пельзя и мечтать. Въ дѣйствительности сохранить можно и должно хотя бы важнѣйшее, что же касается прочаго, то хорошо, если оно будетъ сохранено для отдаленнаго потомства хотя бы на бумагѣ.

Н. Я. Марръ, который присутствовалъ однажды при паденіи отъ порыва вѣтра стѣны одной развалины около собора, посявшей громко, хотя, можетъ быть, и легендарное, имя гробницы царицы Катраниды, строительницы собора, лучше чѣмъ кто либо сознаеть, вѣроятно, эту пе-

¹ См. о нихъ В. Бартольдъ. Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче. (Анійская серія, № 5, СПб. 1911, 44 стр., съ 2 табл.) и Н. Я. Марръ. Надпись Еуфанаія, католикаса Грузин. Изъ раскопокъ въ Ани 1910 г. (Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. 1910, стр. 1433—1442, съ 1 табл.).

-чальную неизбежность медленного, но неотвратимаго исчезновенія развалинъ Ани и потому оны систематически ведутъ увеличеніе ихъ наличнаго вида въ фотографическихъ снимкахъ, акварельныхъ кошіяхъ и калькахъ и въ точныхъ архитектурныхъ чертежахъ.

Отчетъ за 1912 годъ сообщаетъ о воспроизведеніи художникомъ А. Я. Андріановымъ въ натуральную величину красками той фрески изъ церкви св. Григорія, которая была уже издана Н. Я. Марромъ въ его Анійскомъ отчетѣ за 1906 г. (табл. XVI) и которая представляетъ армянскаго царя Тиридата вмѣстѣ съ царями грузинскимъ, абхазскимъ и аланскимъ, причемъ на предпоследнемъ изображена шапка, напоминающая древне-русскія, что и находитъ себѣ объясненіе въ нѣкоторыхъ редакціяхъ житія св. Григорія, гдѣ вмѣсто абхазскаго царя является царь руссовъ (см. Н. Я. Марръ. О раскопкахъ . . . 1906 г., стр. 54—55).

Архитекторъ П. Е. Княгиницкій исполнялъ точный планъ башенъ у Карскихъ воротъ (см. Отчетъ... 1912 г., рис. 1) и княжескаго дворца, задняя стѣна котораго наклонилась уже надъ краемъ ущелья, а также планъ и разрѣзъ Дворцовой церкви (стр. 4).

Съ этой именно церкви Н. Я. Марръ и началъ дѣло монументальнаго, такъ сказать, изданія Анійскихъ развалинъ; и это специальное изданіе Дворцовой церкви появилось въ текущемъ 1915 году, въ видѣ альбома большого формата изъ 8 цинкографическихъ (на желтоватомъ фонѣ) и 12 фототипическихъ таблицъ.

Предлагаемое нынѣ вашему вниманію «изданіе Анійскаго Музея Древностей» носятъ заглавіе: «Памятники Армянскаго Искусства. Выпускъ первый. Ани. Дворцовая церковь. Подъ редакціей академика Н. Я. Марра, по обмѣрамъ и чертежамъ архитектора-художника Н. Г. Буніатова. Петроградъ. 1915» (in fol.^o, 11 страницъ съ 2 рисунками и XX таблицъ).

Мысль, которая руководила Н. Я. Марромъ, очевидна: изданіе явно стремится быть возможною замѣною оригинала на случай, если землетрясеніе или иная папастъ обратитъ древнѣйшую въ Ани церковь въ груду развалинъ, какъ то произошло недавно, въ 1912 г., со знаменитымъ храмомъ Текора, немного не дожившимъ до подобнаго же воспроизведенія, такъ какъ упомянутая выше (стр. 384, пр. 2) специальная книга о немъ Тораманяна ни мало замѣнить памятника не можетъ.

Иное дѣло — изданіе, лежащее передъ вами, которое даетъ возможность изучать по нему Дворцовую церковь почти такъ же, какъ если бы вы стояли передъ оригиналомъ. Въ виду того, что это изданіе является первымъ въ новой, начатой энергіей Н. Я. Марра, серіи, будемъ надѣяться, многочисленныхъ подобныхъ же воспроизведеній памятниковъ армянской

архитектуры, мы позволяем себѣ отнестись къ нему со всевозможной строгостью, дабы тѣ изъ нашихъ замѣчаній, которыя будутъ признаны правильными, могли быть приняты во вниманіе при продолженіи новой, монументальной на сей разъ, Анійской серіи.

Изданіе дастъ не только планъ (табл. VIII) и архитектурные, т. е. въ геометрической проэкціи на плоскость, чертежи зданія (табл. I—V) и его деталей (табл. VI—VII), но и фотографическіе съ него снимки (табл. XV—XX); мало того, оно воспроизводитъ еще фототипически же и факсимиле (табл. IX—XIV) тѣхъ черновыхъ промѣровъ, которые легли въ основаніе чертежей чистовыхъ. Такая, кажущаяся на первый взглядъ излишнею, щедрость въ репродукціяхъ дважды въ сущности одного и того же находить, однако, себѣ полное оправданіе, если смотрѣть на изданіе съ вышеизложенной точки зрѣнія, какъ на замѣну оригинала, насколько таковая замѣна, конечно, возможна: воспроизведеніе черновиковъ даетъ возможность не только провѣрять точность чистовыхъ чертежей, но даже вычертить ихъ вновь тѣмъ, кого не удовлетворитъ съ эстетической точки зрѣнія рисунокъ Н. Г. Буніатова.

Намъ же, съ археологической точки зрѣнія, должно требовать отъ изданія возможной полноты и безукоризненной точности.

Чистовые чертежи, кромѣ плана церкви и позднѣйшей пристройки къ сѣверной стѣнѣ ея (табл. VIII), даютъ три фасада (западный — табл. I, южный — табл. II и сѣверный — табл. III) и два разрѣза (продольный, видъ на сѣверъ, табл. IV, и поперечный, видъ на востокъ, табл. V), нишу южнаго фасада (табл. VI, 1), одну изъ двухъ пилястръ южной стѣны (табл. VII, 2), одну изъ двухъ пилястръ восточной стѣны (табл. VII, 1) и нѣкоторые мелкія детали: карнизы, наличники, кресты (табл. VI, 2, 3). Не останавливаясь на послѣднихъ мы замѣчаемъ, что воспроизведенія черновыхъ промѣровъ не содержатъ въ себѣ матеріаловъ для продольнаго разрѣза церкви (табл. V) и для пилястры южной стѣны (табл. VII, 2), но зато мы находимъ недостающіе среди чистовыхъ чертежей другой продольный разрѣзъ церкви (видъ на югъ¹ — табл. X, 2) и одинъ (вмѣсто двухъ) продольный разрѣзъ пристройки (табл. XI, 1, видъ на сѣверъ), а также пилястру, вѣриѣ просто уголь, ниши сѣвернаго фасада (табл. XII, 2), вторую (южную) пилястру восточной стѣны (табл. XIII, 2), вторую пилястру южной стѣны (табл. XIV, 1) и обѣ пилястры у западной стѣны (табл. XIV, 2).

Такимъ образомъ вовсе не воспроизведенными въ чертежахъ, — ни

¹ Въ «содержаніи», стр. 3, эти обмѣры ошибочно отнесены къ разрѣзу по линіи CD, т. е. къ виду на сѣверъ, хотя на табл. X разрѣзъ правильно обозначенъ тѣми же буквами, но въ иномъ порядкѣ, т. е. «по линіи D—C».

въ черновыхъ, ни въ чистовыхъ, — остаются одинъ (восточный) фасадъ зданія, одинъ поперечный разрѣзъ церкви (видъ на западъ), одинъ продольный разрѣзъ пристройки (видъ на югъ) и двѣ пилостры сѣверной стѣны церкви, не говоря о почти неисполнимыхъ по трудности обмѣровъ чертежахъ всего зданія сверху и сводовъ его снизу. Изъ указанныхъ же, недостающихъ и легко могущихъ быть восполненными, чертежей — чертежъ восточнаго фасада не былъ сдѣланъ, вѣроятно, потому, что, судя по фотографіи (табл. XVII, 7), онъ представлялъ бы не столько остатки архитектурныхъ формъ, сколько внутреннюю бытовую кладку рухнувшихъ стѣнъ, но тѣмъ не менѣе чертежъ этотъ былъ бы весьма желателенъ, какъ для изображенія восточнаго вида пристройки, такъ и для передачи недостаточно попятной на изданныхъ таблицахъ (см. табл. IV и XIX, 13) внутренней ниши въ сѣверной стѣнѣ абсиды, такъ наконецъ и для возмѣщенія одного недостающаго поперечнаго разрѣза церкви (видъ на западъ).

Указанный недостатокъ въ числѣ чертежей восполняютъ, правда, въ значительной мѣрѣ фотографическіе снимки, но вполне замѣнить его не могутъ, и три лишнихъ, въ добавокъ къ восьми изданнымъ, цинкографическихъ таблицы могли бы довести изданіе до желательной полноты.

При разсмотрѣніи чертежей мы замѣтили слѣдующіе пропуски: на планѣ церкви (табл. VIII) не обозначено, что средняя пилостра пристройки лишь приложена къ сѣверной стѣнѣ церкви, а не составляетъ общей съ нею кладки; на чертежѣ западнаго фасада (табл. I) почти не видна верхняя часть арки, идущей внутри церкви съ южной пилостры на сѣверную, и вовсе не показанъ передъ контуромъ сѣверной пилостры рисунокъ сѣверо-восточной пилостры абсиды, который долженъ былъ быть виденъ, какъ въ томъ легко убѣдиться, наложивъ таблицу V-ую на I-ую.

А при сравненіи черновыхъ промѣровъ съ чистовыми чертежами мы видимъ, что чертежи изображаютъ всѣ три фасада церкви (табл. I, II и III) въ томъ видѣ, какой церковь имѣла до реставраціонныхъ работъ 1912 года, тогда какъ на соответственныхъ черновикахъ (табл. IX, 1; X, 1 и IX, 2) обозначены уже вновь подведенныя части стѣнъ: это странное явленіе, при которомъ чистовики оказываются исполненными какъ бы ранѣе черновиковъ, нуждалось бы въ какомъ либо объясненіи.

Равнымъ образомъ и въ фотографическомъ воспроизведеніи церкви мы находимъ нѣкоторые снимки (табл. XVII, 6, 8 и 9), сдѣланные уже послѣ реставраціонныхъ работъ; не отрицая пользы вида церкви въ современномъ ея состояніи, мы полагаемъ бы однако болѣе цѣлесообразнымъ воспроизвести ее полностью въ томъ состояніи руины, до котораго она дошла. Эти многочисленныя фотографіи передаютъ памятникъ, конечно, вполне точно, хотя и

съ неизбежными перспективными искаженіями, понятными каждому; все же желательно было бы замѣнить одну изъ фотографій (табл. XVII, 9), гдѣ плиты южной стѣны оказались слишкомъ расходящимися книзу, другою — съ меньшею деформацией; равнымъ образомъ кривизна арки между плитами сѣверной стѣны вышла на фотографіи (табл. XIX, 13) эллиптической, тогда какъ на чертежѣ (табл. IV) она оказывается почти полуциркульной. Если въ этомъ случаѣ мы должны отдавать предпочтеніе чертежу, то въ другомъ — фотографіи (табл. XVIII, 12) обнаруживается нѣкоторую неточность чертежа (табл. X), который не передаетъ ясно видимой на фотографіи, и тѣмъ болѣе въ натурѣ, характерной конструктивной подробности въ перекрытіи южной двери церкви: надъ камнемъ, ее перекрывающимъ, лежатъ не два камня, какъ представлено на чертежѣ, а три, при чемъ узенькій средній клинообразенъ и является замкомъ горизонтального свода, нижняя плоскость котораго благодаря узкой горизонтальной же выемкѣ въ ней вовсе не давить на дверную перекладину.

На этомъ примѣрѣ можно убѣдиться, сколь разумнымъ оказывается чрезмѣрно щедрое, казалось бы, воспроизведеніе памятника въ двоякаго рода чертежахъ и сверхъ того въ фотографіяхъ: по атласу этому оказывается возможнымъ самостоятельно изучать церковь. А потому мы сожалѣемъ объ отсутствіи въ атласѣ еще нѣкоторыхъ фотографій, а именно: снимковъ всѣхъ трехъ дѣлений коробоваго свода церкви, на которыхъ были бы видны слабые остатки росписи, существованіе которой для небывшихъ на мѣстѣ остается по неяснымъ выраженіямъ предисловія (стр. 10) сомнительнымъ, снимковъ съ остатковъ росписи на стѣнахъ пристройки и съ ниши на сѣверномъ фасадѣ церкви, равно какъ и нѣкоторыхъ деталей, напримѣръ, жалкаго остатка рельефа, находившагося надъ сѣверною дверью и извѣстнаго лишь по рисунку Кестнера, который видѣлъ рельефъ этотъ, представлявшій двухъ святыхъ всадниковъ, еще цѣлымъ (см. Brosset. Les ruines d'Ani, pl. XXXVII, pp. 33—34), а равно и валяющагося цинкъ внутри церкви обломка большого камня со сбитыми изображеніями розетки и двухъ крестовъ, который находился первоначально, надо думать, надъ южною дверью церкви снаружи, и еще нѣкоторыхъ декоративныхъ частей, обнаруженныхъ при раскопкахъ 1914 г. къ востоку отъ церкви; одинъ изъ нихъ, правда, изображенъ цинкографически на рис. 2 въ предисловіи.

Отсутствіе въ атласѣ указанныхъ воспроизведеній объясняется, надо думать, тѣмъ, что они войдутъ въ «имѣющее скоро появиться особое Описание Дворцовой церкви», о которомъ, какъ о прибавленіи, упоминаетъ предисловіе (стр. 11) къ рассматриваемому атласу; но намъ казалось бы болѣе целесообразнымъ сосредоточить въ атласѣ всю иллюстративную часть пол-

ностью, оставивъ для «Описанія» лишь рисунки вспомогательные, какъ реставраціи зданія, конструктивныя детали, привлекаемыя описаніемъ аналогій изъ другихъ памятниковъ и т. п., тогда атласъ являлся бы полнымъ и окончательнымъ воспроизведеніемъ церкви, какъ бы замѣною ея.

Поэтому же мы жемали бы видѣть въ этомъ атласѣ и «скрупулезно-точную въ размѣрахъ и въ краскахъ копию съ натуры сѣверной стѣны той же церкви внутри», объ исполненіи которой П. Е. Княгиницкимъ говорилъ Отчетъ о кампаніи 1912 года (стр. 4): въ настоящемъ прекрасномъ изданіи памятника не хватаетъ для полнаго о немъ представленія только красокъ, и пѣкоторое удорожаніе изданія несомнѣнно окупилось бы этою полнотою.

Но и въ данномъ видѣ и составѣ полнота и обстоятельность воспроизведенія памятника таковы, что, какъ вы изволили видѣть, онѣ даютъ возможность по самому атласу дѣлать мелкія исправленія чертежей. Нечего и говорить о той пропасти, которая отдѣляетъ разсматриваемое изданіе Дворцовой церкви отъ стараго воспроизведенія ея въ изданіи Броссе, который не могъ даже опредѣлить церковнаго назначенія зданія (р. 32)¹, а на капителяхъ двухъ пилястръ южной стѣны находилъ, основываясь на рисункѣ Кестнера (pl. XIV), «de têtes des diables, à longues oreilles» (р. 32) тамъ, гдѣ не только въ оригиналѣ, но и въ изданіи Анійскаго музея ясно различаются (см. табл. VII, 2; XIV, 1; XVIII, 10, 12; XX, 15) головы быка, льва, человѣка и повторенная дважды фигура орла, т. е., быть можетъ, символы четырехъ евангелистовъ!

Изданіе же, нынѣ появившееся и являющееся первымъ въ принятой серіи публикацій Памятниковъ Армянскаго Искусства, можетъ считаться, несмотря на наши мелкія замѣчанія и пожеланія, по истинѣ образцовымъ для изданій подобнаго рода, стремящихся сохранить потомству хотя бы на бумагѣ памятникъ, сохранить который въ натурѣ мы не имѣемъ ни силъ ни надежды.

Краткое предисловіе Н. Я. Марра (стр. 9—11) къ разсмотрѣнному атласу, повторяемое, какъ и «содержаніе» (стр. 3, 5 и 7), въ переводахъ армянскомъ Н. Г. Адонца и французскомъ г. М. Ляриода², является до нѣко-

¹ Г. А. Орбели (Новый Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. III, ст. 665) считаетъ Дворцовую церковь «передѣланной изъ свѣтскаго зданія», но доказательствъ этого не приводитъ; не находимъ ихъ, какъ и самаго утвержденія этого, и въ его Краткомъ Путеводителѣ по городищу Ани (Анійская Серія, № 4, 1910, стр. 14—16); это же, едва ли правильное, предположеніе Н. Я. Марромъ упоминается, какъ его собственное (см. Христіанскій Востокъ, т. III, вып. 1, 1914, стр. 58).

² Заглавный листъ и надписи на таблицахъ набраны только по-русски; принятой такимъ образомъ системы господства русскаго языка не нарушила бы прибавка армянской

торой степени временною замѣною ожидаемаго особаго «Описанія Дворцовой церкви въ Ани». При всей краткости (2½ столбца) предисловіе весьма содержательно: изъ него узнаемъ мы не только исторію самаго изданія, но и мнѣніе издатели объ исторіи издаваемой церкви.

Изданіе осуществлено на средства армянскихъ церквей Петрограда, «совѣтъ которыхъ систематически поддерживалъ Анійское археологическое дѣло и повстипѣ является его меценатомъ» (стр. 11). Матеріалы для иллюстративной части изданія готовились три года: въ 1912 г. П. Е. Книгицкимъ, въ 1913 г. О. А. Кяндарянцемъ и въ 1914 г. Н. Г. Буниатовымъ, при помощи Б. В. Данчяча (стр. 11). Для полученія же яснаго представленія о памятникѣ въ немъ и около него велись раскопки, начиная съ 1907 года, особенно же въ 1914 году, когда до скалы раскопанъ былъ скатъ холма къ востоку отъ церкви, куда обрушилась ея абсида (стр. 9).

Но до конца раскопки еще не доведены: «очень близко подходят къ памятнику съ юга и сѣвера участки, еще не тронутые киркой» (стр. 11), на которыхъ могутъ, слѣдовательно, найтись еще отдѣльныя части церкви и ея пристройки. Къ сожалѣнію, невозвратно, вѣроятно, утраченъ упомянувшійся уже нами рельефъ надъ сѣвровою дверью церкви, который извѣстенъ, за исключеніемъ ничтожной части, оставшейся на мѣстѣ, лишь по весьма несовершенному рисунку Кестнера (Brosset. *Les ruines d'Ani*, pl. XXXVII). Утрата эта тѣмъ печальнѣе, что по рисунку нельзя съ достаточною увѣренностью разобрать ни орнаментальныхъ деталей дерева, растущаго между двумя святыми всадниками, ни фигуры, пронзаемой однимъ изъ нихъ (лѣвымъ: правый поражаетъ змѣю). Первое не позволяетъ увѣренно судить о времени рельефа, второе о значеніи всадниковъ.

Н. Я. Марръ считаетъ ихъ изображеніями тѣхъ двухъ святыхъ вонювъ, во имя которыхъ построена была Дворцовая церковь, и полагаетъ, что «по всей видимости, этими патронами церкви являлись св. Саргисъ (Сергій), пользующійся у армянъ особой славой, и св. Феодоръ, или, быть можетъ, св. Георгій» (стр. 9).

Послѣдняя возможность кажется намъ однако неприемлемой, такъ такъ несомнѣнныхъ изображеній св. Георгія въ видѣ всадника, поражающаго змѣя, которыя восходили бы ко временамъ ранѣе XI—XII в., доселѣ

и французской подписей къ исключительно русскимъ подписямъ подъ двумя рисунками въ текстѣ. Во французскомъ переводѣ русское слово «алтарь» передается черезъ «autel», что, какъ извѣстно, обозначаетъ по-французски лишь престолъ, тена, но не ту часть церкви, гдѣ престолъ находится и которую алтаремъ называемъ лишь мы; слѣдовало бы написать: *sanctuaire, presbyterium* или *béna*. О точности армянскаго перевода судить не можемъ.

не известно¹; на рельефъ Ахтамарскаго храма (первой трети X в.) именемъ св. Георгія обозначенъ всадникъ, поражающій не змія, а скованнаго челоуѣка, который на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ грузинскихъ изображеніяхъ опредѣляется подписями, какъ «царь мучившій Георгія»². Броссе (Les ruines d'Ani, p. 34) на основаніи именно этого, сообщеннаго ему А. А. Куникомъ, факта позднего относительно появленія изображеній св. Георгія въ типѣ змѣборца относилъ рельефъ ко временамъ поздне XI вѣка; теперь же, когда Дворцовая церковь и даже ея, предполагаемая Н. Я. Марромъ (стр. 10), капительная передѣлка относятся ко временамъ ранѣе XI в., приходится отказаться отъ имени св. Георгія для всадника, поражающаго змія.

Предпочтительнѣе поэтому первое предположеніе Н. Я. Марра о св. Θεοδορῆ, сказанія о змѣборствѣ котораго, — какъ Θεοδορα Тироца, такъ и Θεοδορα Стратилата, и Θεοδορα Βασιριανκίτα³ безразлично, — хронологически предваряютъ появленіе сказанія «о чудѣ св. Георгія о змія». Но, если считать одного всадника св. Θεοδορομъ, то, хотя болѣе или менѣе случайное сопоставленіе его со св. Сергіемъ и будетъ возможно, но все же болѣе естественнымъ представлялось бы видѣть здѣсь двухъ такихъ святыхъ, которые сопоставляются обычно. Имя одного св. Θεοδορα естественно вызываетъ предположеніе, что другой всадникъ представляетъ другого св. Θεοδορα, а имя св. Сергія естественнымъ товарищемъ ему дѣлаетъ св. Βακχα.

Для сопоставленія двухъ первыхъ мы имѣемъ свидѣтельства и литературныя и вещественныя⁴, но эти святые изображаются обыкновенно бо-

¹ См. указанія на обширную литературу о св. Георгiи въ «Древностяхъ» Импер-Московскаго Археологич. Общества, томъ XXV, стр. 144, пр. 1; 146, 147, пр. 1; 155, пр. 1; 168, пр. 1; 170, пр. 2 и 3; 188, пр. 3; 216; пр. 1; 235, пр. 1.

² А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгiи и драконѣ въ византийской и словяно-русской литературѣ. Одесса. 1909, стр. 464; Н. Я. Марръ — Христіанскій Востокъ т. II. 1913, вып. 1, стр. 151.

³ См. статью W. Hengstenberg'a. Der Drachenkampf des heiligen Theodor (Oriens Christianus. N. S. II. 1912, SS. 78 ff., 241 ff.), и о св. Θεοδορῆ Βασιριανκίτῆ замѣтку Б. А. Паниченко (Byzantinische Zeitschrift, XX, 1900, SS. 200—201).

⁴ Дигенисъ Акриты получилъ въ подарокъ отъ тестя δὸο εἰκόνας χιμευτᾶς [al. μύλαγμ] ἄγιων Θεοδορῶν (Sathas et Legrand. Digénis Akritas. 1875, v. 1402; Рыстенко, стр. 414). Чтобы не указывать на позднюю итало-критскую икону въ Ватиканѣ съ изображеніемъ двухъ вѣдущихъ рядомъ и обнявшихся святыхъ Θεοδορῶν (см. табл. XCVIII, рис. 144, въ I томѣ Сборника мелкихъ трудовъ гр. А. С. Уварова. Москва, 1910), обратимся къ древней, византийской иконѣ изъ Синайскаго монастыря, гдѣ изображены стоящіе на молитвѣ въ симметричныхъ позахъ справа и слѣва отъ ихъ щитовъ и копій два вѣвшихъ святыхъ Θεοδορα (Иконы Синайской и Афонской коллекцій преосв. Порфирія. С. П. Б. 1902, табл. VI; П. П. Петровъ. Альбомъ достоимѣчательностей Музея Кіевской Духовной Академіи. I. 1912, табл. VIII) или къ Афонской иконѣ, гдѣ оба свв. Θεοδορα изображены рядомъ погрудно (Христіанскія Древности и Археологія, изд. Д. Прохоровымъ. II. 1864, кн. 5, табл. 2).

родатыми, тогда какъ на анійскомъ рельефѣ оба святыхъ были, судя по рисунку Кестнера, безъ бородъ. А таковыми именно и изображены свв. Сергій и Вакхъ на древнѣйшей энкавстической иконѣ съ Синая¹; хотя на ней мы имѣемъ лишь погрудныя изображенія святыхъ, но вполне возможно предполагать существованіе древнихъ изображеній Сергія и Вакха, по аналогіи съ изображеніями иныхъ святыхъ, и конными; изъ позднѣйшихъ временъ примѣромъ такого изображенія Сергія и Вакха являются росписи сирійской, яковитской, церкви св. Сергія въ Сададѣ, близъ Хомса (Эмеса), гдѣ святые эти изображены скачущими другъ другу на встрѣчу и пронзающими копьями сплетшихся дьявола и змія². Итакъ, если признавать одного изъ всадниковъ на рельефѣ Дворцовой церкви, какъ то дѣлаетъ Н. Я. Марръ, святымъ Сергіемъ, то другого слѣдуетъ назвать скорѣе святымъ Вакхомъ, нежели Θεодоромъ или тѣмъ менѣе Георгіемъ; тѣхъ же двухъ святыхъ, Сергія и Вакха, можно предполагать и въ двухъ всадникахъ, поспирающихъ челоуѣка и змія, сопоставленныхъ на извѣстномъ рельефѣ изъ имѣнія Воронова близъ 'р. Цебельды, въ Абхазіи³. Последняя аналогія тѣмъ интереснѣе, что на другомъ рельефѣ того же происхожденія и времени, опредѣляемаго Д. В. Айналовымъ, какъ VII—VIII вѣкъ, въ сценѣ жертвоприношенія Авраама баранъ представленъ такъ же не стоящимъ, какъ обыкновенно, а вислящимъ на деревѣ⁴, какъ то видимъ и на изображеніи этой же сцены на капители паличника ниши на южномъ фасадѣ Дворцовой церкви (см. табл. VI, 1; XVI, 3; XVI, 4). Абхазскіе рельефы являются такимъ образомъ однимъ изъ критеріевъ въ вопросѣ о времени построенія Дворцовой церкви.

Вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію, а исторія эта ясно свидѣтельствуетъ о научномъ безпристрастіи Н. Я. Марра и объ отсутствіи у него

¹ Д. В. Айналовъ. Византійскій Временникъ, IX, 1902, стр. 352 сл. табл. III; П. П. Кондаковъ. Памятники христіанскаго искусства на Афонѣ, 1902, рис. 52; Н. П. Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. СПб. 1906, табл. 2; Н. П. Петровъ. Альбомъ (и т. д.). табл. III.

² Извѣстія Русскаго Археол. Института въ К-полѣ, т. VII. выш. 2—3. Софія. 1902, стр. 134, № 11 и 12, 136, табл. № 19.

³ Рельефъ этотъ, точнѣе обломки двухъ рельефовъ, изда ны были гр. П. С. Уваровой (Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IV. 1894, табл. VII и VIII) и Дм. Вл. Айналовымъ (Археологич. Извѣстія и Забѣтки. III. 1895, стр. 233—243, табл. III); какъ въ датировкѣ такъ и въ опредѣленіи сюжетовъ на этихъ рельефахъ слѣдуетъ руководиться вторымъ изданіемъ; но репродукціи полнѣе въ первомъ.

⁴ Эта особенность объясняется еврейскимъ и сирійскимъ текстомъ библіи и находитъ себѣ аналогію на одномъ саркофагѣ въ Арлѣ (см. Edm. le Blant. Etudes sur les sarcophages chrétiens.... d'Arles. 1878, p. 35, pl. XXI; ср. его же въ Revue Archéologique, № S., t. XL, 1880, II, p. 130—131, и H. Leclercq, въ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, publié par Cabrol, I, 1907, col. 111); цитируемое тамъ слово Василія Селевкійскаго приписывается теперь Несторію.

столь обычной, человѣческой и особенно академической, слабости упорствовать въ однажды высказанномъ мнѣніи: еще въ 1906 г. онъ издалъ (Изв. Имп. Арх. Коммиссiи, вып. 18, 1906, стр. 91—92, рис. 11) надпись на южной сторонѣ Дворцовой церкви, говорящую о построеніи этой церкви, но съ педописанною датой; надпись сохранилась довольно плохо и имя вардапета (т. е. ученаго монаха или мастера) строителя Н. Я. Марръ читалъ тогда Авраамъ. Позднѣе, въ 1909 г.¹, то, что казалось началомъ недописаннаго слова и что «по роковой случайности» (стр. 10) можно читать, какъ число 71, было признано датой, соответствующей (551+71=) 622 г. по Р. Х. Дворцовая церковь, въ относительной древности которой помимо ея формъ убѣждало Н. Я. Марра и ея положеніе во дворцѣ Баграτιдовъ, пристроеннаго къ ней, какъ къ зданію, стоявшему на вышгородѣ еще ранѣе (ц. с. стр. 065), получила такимъ образомъ точную дату, не противорѣчившую ея архаическимъ, въ сравненіи съ прочими Авійскими зданіями, формамъ. Эта дата повторялась и въ Путеводителѣ по Ани І. А. Орбели (1910 г., стр. 16), и въ статьѣ его же объ армянскомъ искусствѣ въ Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона (т. III, ст. 566), и въ статьяхъ Н. Я. Марра, напримѣръ, въ рассмотрѣнномъ выше отчетѣ за 1912 г. (стр. 4), но теперь въ предисловіи къ изданію этой церкви онъ возвращается къ прежнему своему мнѣнію объ отсутствіи въ надписи точной даты, при чемъ измѣняетъ прежнее чтеніе имени строителя, читаетъ его «Авессаломъ» и понимаетъ подъ постройкою церкви капитальную ея перестройку около IX—X вѣка (стр. 10). Основаніемъ для этого явилась найденная при раскопкахъ 1914 г. плита «съ текстомъ того же почти содержанія», какъ и эта надпись, и «сравнительное падеографическое изученіе² двухъ почти тождественныхъ списковъ одного документа» (стр. 10).

Такимъ образомъ теперь опредѣлять время начального построенія церкви и ея перестройку приходится лишь по даннымъ археологическимъ, для чего разсматриваемое изданіе даетъ достаточно матеріала, — вѣрнѣе давало бы, если бы исторія армянской архитектуры и орнаментики была уже достаточнымъ образомъ разработана. — Подробное рассмотрѣніе этого вопроса мы найдемъ, вѣроятно, въ ожидаемомъ «Описаніи Дворцовой церкви»; теперь же въ предисловіи къ атласу Н. Я. Марръ устанавливаетъ

¹ Въ статьѣ: «Новыя археологическія данныя о постройкахъ типа Эреурийской базилики» (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. XIX. 1909, стр. 064—068) стр. 065.

² Обѣ эти надписи съ подробнымъ разборомъ изданы въ 1914 году І. А. Орбели («Шестъ армянскихъ надписей VII—X вѣка», Христ. Вост., III, 1, стр. 72—91; см. стр. 81—87 и табл. VI и VII), который еще ранѣе (Христ. Вост. II, 1, 1913, стр. 116, пр. 2), призналъ надпись на южной стѣнѣ Дворцовой церкви позднѣйшею копіей. Н. Я. Марръ о датировкѣ Дворцовой церкви говоритъ и въ Христ. Вост., III, 1, 1914, стр. 58.

связь ея съ древнѣйшими армянскими базилличными церквами, въ частности Эреруйской и Текорской, которыя можно, по его мнѣнію, «датировать V—VI вѣкомъ» (стр. 9), и относить ея «въ основѣ. . . къ эпохѣ. . . армянскихъ князей Камсаракаповъ», удѣломъ которыхъ Ширакская область была до конца VIII-го вѣка (стр. 9). Эту древнюю основу церкви опъ признаетъ всю нижнюю часть ея, съ орнаментацией нишъ и пилястръ, тогда какъ вся верхняя часть, начиная съ капителей, признается имъ перестройкою «приблизительно въ IX—X вѣкѣ» (стр. 10), указываются и еще нѣкоторыя перестройки (стр. 10); пристройка маленькой двухъ этажной церковки къ сѣверной стѣнѣ церкви относится къ XIII в. (стр. 9). Пока это положеніе о капитальной перестройкѣ церкви, которое впрочемъ называется лишь «вѣроятіемъ», обосновывается (стр. 10) только указаніемъ на разницу матеріала: «верхняя часть. . . выстроена изъ одного матеріала — красноватаго камня, тогда какъ нижняя выведена цѣликомъ изъ чернаго» (стр. 10). Категоричность этого утвержденія не вполне однако подтверждается просмотромъ фотографическихъ воспроизведеній церкви (табл. XV—XX); такъ, напримѣръ, капитель съ изображеніемъ Авраама и Исаака, несомнѣнно относящаяся къ древнѣйшимъ частямъ церкви, оказывается вырѣзанной не изъ чернаго камня, какъ внутреннія пилястры того же, повидимому, времени, а изъ желтоватаго.

Если вопросъ о капитальной перестройкѣ верхней части церкви въ IX—X вѣкѣ остается пока, до болѣе подробнаго рассмотрѣнія и разбора его въ ожидаемомъ «Описаніи Дворцовой церкви», для насъ нѣсколько сомнительнымъ, то возведеніе несомнѣнно древнихъ частей церкви ко времени не позднѣе VIII-го вѣка никакихъ возраженій возбуждать, повидимому, не можетъ. Если къ той же древнѣйшей основѣ церкви относить, какъ это вполне естественно, и исчезнувшій рельефъ со святыми всадниками, то и формы дерева, представленныя на рисункѣ Кестнера, и аналогія указанныхъ абхазскихъ рельефовъ склоняли бы насъ къ заключенію, что Дворцовая церковь выстроена едва ли ранѣе VIII-го вѣка¹.

Впрочемъ рѣшать вопросы о датировкѣ армянскихъ древнѣйшихъ памятниковъ по однимъ орнаментальнымъ формамъ, пожалуй, еще преждевременно. Лишь тогда, когда значительное число ихъ предстанетъ передъ нами въ такихъ же подробныхъ и тщательныхъ воспроизведеніяхъ, какія для

¹ Минасъ Бжишклянъ (Brosset. Les ruines d'Ani, p. 94) даетъ 763 годъ по Р. X., какъ годъ возобновленія и заселенія Ани Ашотомъ Багратидомъ. Но эта дата, съ которой можно было бы связывать и построеніе Дворцовой церкви, — которая окажется тогда не Камсаракаповской, — неадекватна: теперь появленіе въ Ани Багратидовъ относятъ лишь къ концу VIII-го вѣка.

древнѣйшей церкви Ани даетъ предлагаемое нынѣ вниманію вашему изданіе, лишь тогда можно будетъ увѣренно и основательно судить о нихъ, сравнивая ихъ другъ съ другомъ и съ памятниками иныхъ странъ; словомъ, лишь тогда станутъ они, какъ говорится, достояніемъ науки, которая всегда остается болѣе или менѣе кабинетной, а потому и нуждающейся въ такихъ именно изданіяхъ, какъ это, которое въ значительной мѣрѣ можетъ замѣнить не вѣзмъ доступное и всегда болѣе или менѣе шимолетное личное знакомство съ самымъ памятникомъ на мѣстѣ.

Разсмотрѣнное изданіе Анійской Дворцовой церкви является безспорно крупнымъ явленіемъ въ дѣлѣ изученія того «Кавказскаго культурнаго міра и [въ частности] Арменіи», блестящій общій очеркъ котораго появился изъ подъ пера Н. Я. Марра въ текущемъ же году на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1915, нов. сер., ч. LVII, № 6, июнь, отд. 2, стр. 280—330).

Эта обширная (54 страницы) статья, явившаяся въ тотъ же опредѣляемый задачи нашего сегодняшняго собранія трехлѣтній срокъ (1912—1915), трактуетъ о многомъ, далеко выходящемъ за узкіе предѣлы собравшей насъ сюда археологіи, а потому мы здѣсь подробно разбирать ее не будемъ; отмѣтимъ лишь, что и въ ней, какъ и въ прочихъ работахъ Н. Я. Марра, явившихся въ теченіе этого же трехлѣтія, много новыхъ и поучительныхъ для себя фактовъ и частныхъ вѣдѣній и историкъ искусства или культуры.

Но если здѣсь намъ нѣтъ пужды псичислять всѣ эти многочисленныя работы Н. Я. Марра, то съ другой стороны нельзя и оторвать тѣ два труда его, которые мы разобрали, отъ всей его специально-археологической дѣятельности на городищѣ древняго Ани, непосредственными результатами которой и явились разсмотрѣнныя работы.

Если мы лишены возможности представить вамъ неявившуюся еще книгу Н. Я. Марра «Книжная исторія Ани и раскопки на мѣстѣ городища», то и теперь мы можемъ приблизительно, и даже довольно точно, судить объ ея содержаніи по тѣмъ многочисленнымъ печатнымъ работамъ и устнымъ докладамъ, которые дѣлалъ онъ о своихъ изслѣдованіяхъ Анійскихъ памятниковъ въ нашемъ Обществѣ и въ иныхъ собраніяхъ.

Считаемъ поэтому умѣстнымъ напомнить вамъ здѣсь вкратцѣ важнѣйшіе результаты, достигнутые Н. Я. Марромъ изученіемъ городища Ани и научною разработкою добытыхъ матеріаловъ.

Въ 1892 году открыты были развалины маленькой церкви, расписанной фресками византійскаго характера внутри и роскошно украшенной снаружи скульптурною орнаментаціей, преисполненной мотивами современ-

наго искусства исламскаго, — что обычно и въ орнаментациі другихъ церквей и зданій Ани той же эпохи XII—XIII в., — и лишь съ однимъ, не считая крестовъ, рельефомъ, т. н. Делпусомъ, надъ дверью, христіанскаго содержанія¹.

Въ 1893 г. важнѣйшимъ открытіемъ была находка городской стѣны, построенной въ 964 г. царемъ Ашотомъ Милостивымъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ того мыса, между двумя ущельями, на которомъ стоитъ древній городъ: открытіе этой, давно извѣстной изъ историческихкихъ свидѣтельствъ, но не замѣчавшейся дотолѣ описателями городища, стѣны сразу разъяснило многіе, казавшіеся неясными дотолѣ, вопросы по топографіи города².

Послѣ этихъ, столь удачныхъ, первыхъ научныхъ раскопокъ на городищѣ древняго Ани предъ Н. Я. Марромъ естественно всталъ вопросъ объ охранѣ развалинъ и сохраненіи добываемыхъ раскопками памятниковъ.

Въ 1892 г. удобоперевозимая часть находокъ отправлена была въ Археологическую Коммиссію. Въ 1893 Н. Я. Марромъ возбужденъ былъ вопросъ объ охранѣ развалинъ и о храненіи добываемыхъ раскопками древностей на мѣстѣ: проектировалось учредить въ Эчмиадзинѣ музей для выкапываемыхъ въ предѣлахъ исторической Арменіи древностей. Но когда «мысль эта не встрѣтила должнаго сочувствія въ Эчмиадзинѣ, быть можетъ, даже не была достаточно попыта»³, то Н. Я. Марръ временно прекратилъ раскопки, вполнѣ сознавая, что раскопки безъ возможности обезпечить сохранность раскопаныхъ памятниковъ только ускоряютъ разрушеніе остатковъ города и принесутъ наукѣ больше вреда, чѣмъ пользы.

Раскопки возобновились только въ 1904 году, когда Бакинское армянское общество пожертвовало сумму для устройства музея на мѣстѣ; для этой цѣли приспособлено было сравнительно хорошо сохранившееся среди развалинъ зданіе мечети Мануче XI вѣка.

Отчетъ Н. Я. Марра о раскопкахъ этого года⁴ начинается мартирологомъ разрушеній происшедшихъ и произведенныхъ въ Ани за одиннадцать лѣтъ перерыва археологическихъ работъ на городищѣ.

Въ 1904 г. раскопанъ былъ, помимо отдѣльныхъ развѣдокъ, холмъ

¹ См. Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1892, стр. 76—80, рис. 42—47; Н. П. Сычевъ: Анійская церковь, раскопанная въ 1892 г. (Христіанскій Востокъ. I. 1912, вып. 2, стр. 212—219, табл. I—V). Гельсфъ этотъ изданъ Н. Я. Марромъ въ «Краткомъ каталогѣ Анійскаго Музея» (Анійская серія: № 1). 1906, табл. III, а кресты I. А. Орбели въ упомянутой выше (стр. 385) статьѣ о колоколѣ — рис. 2, 3, 8, 11

² См. Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1893, стр. 34—35.

³ I. А. Орбели. Каталогъ Анійскаго Музея Древностей. Выпускъ I. 1910 (= Анійская Серія, № 3), стр. V.

⁴ Въ Извѣстіяхъ Имп. Арх. Коммиссіи, вып. 18, 1906, стр. 73—94, съ 12 рис. и 1 (VI-ю) таблицою.

около сѣвернаго конца Ашотовой стѣны, и подь нимъ открылся «уголокъ бѣднаго квартала», давшій наглядное представленіе о бытѣ «будничнаго повседнежнаго Ани» и простыхъ смертныхъ, жившихъ тамъ наряду съ «рѣдовитыми князьями и именитыми горожанами».

Раскопки 1905 и 1906 годовъ сосредоточились преимущественно на огромномъ холмѣ, образовавшемся изъ развалинъ и величественныхъ еще и теперь остатковъ большого круглаго храма, воздвигнутаго въ Ани въ 1001—15 гг. Багратидомъ царемъ Гагикомъ I точно по образцу извѣстнаго храма Бдящихъ Сялъ (Звартноцъ), который построенъ былъ близъ Эчмиадзинѣ католикосомъ Нерсесомъ Строителемъ въ VII еще вѣкѣ. Оригинальные планы этихъ двухъ круглыхъ храмовъ, равно какъ и другой копія Эчмиадзинскаго храма, въ Банѣ, въ Грузіи, IX в., дали, какъ извѣстно, матеріалъ для весьма существенныхъ для исторіи средневѣковой архитектуры Азіи и Европы разсужденій проф. I. Стржиговскаго и другихъ; сознавая широкій интересъ, представляемый этимъ Анійскимъ храмомъ, около котораго нашлась и статуя его строителя, Н. Я. Марръ не замедлилъ опубликовать результаты раскопокъ 1906 года особою книгою¹.

1907 и 1908 годы посвящены были преимущественно еще болѣе крупнымъ и труднымъ раскопкамъ царскаго дворца Багратидовъ, развалины котораго вѣнчаютъ Анійскій вышгородъ; къ сожалѣнію объ этихъ раскопкахъ издавъ пока только краткій отчетъ въ протоколахъ нашего Общества², и общій планъ дворца появился лишь теперь, въ разсмотрѣнномъ выше изданіи Дворцовой церкви (рис. 1); за то многочисленные мелкіе бытовые предметы, найденные при этихъ раскопкахъ, вошли уже въ напечатанные каталоги Авійскаго Музея³, а монументальная греческая надпись 1059, украшавшая одну изъ стѣнъ дворца, будетъ скоро издана въ «Анійской Серіи» В. Н. Бенешевичемъ (ср. З. В. О. И. Р. А. О., XXI, стр. III).

Здѣсь въ обиталищѣ царей съ особой яркостью и съ особымъ блескомъ выясняется тѣсная культурная связь, — мы бы сказали даже зависимость, — между христіанской Арменіей и мусульманскимъ Востокомъ:

¹ Н. Марръ. О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г. Предварительный отчетъ (= Тексты и разысканія по Армяно-Грузинской филологіи, книга X). СПб. 1907. 8°. IV+64 стр., съ 18 рис. и XVII табл. См. рецензію проф. Д. В. Айдалова. Византійскій Временникъ. XIV, 1907, стр. 613—614.

² Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общества. Томъ XIX, 1909, стр. XXXVI—XXXVIII.

³ Н. Марръ. Реестръ предметовъ древности изъ VI-ой (1907 г.) археологической экспедиціи въ Ани. СПб. 1908 (= Анійская Серія. № 2), предметы изъ раскопокъ вышгорода перечислены на стр. 1—25, 34—35, et passim; рис. 1—9. Г. Орбелли. Каталогъ Авійскаго Музея Древностей. Вып. I (= Анійская Серія № 3). СПб. 1915, стр. 6—17, 29—31, 39 et passim; рис. 2—11, 22.

остатки рѣзныхъ и росписныхъ деревянныхъ балокъ потолка находятъ себѣ аналогіи въ остаткахъ фатимидскихъ дворцовъ Каира, лѣпныя гипсовыя украшенія стѣнъ тождественны съ найденными въ Діарбекирѣ¹, ничтожные сами по себѣ остатки стѣнописи достаточны однако для того, чтобы источники ихъ искать въ росписяхъ домовъ, выстроенныхъ въ IX в. багдадскими халифами для своей турецкой гвардіи въ Самаррѣ², а не въ свѣтской византійской живописи, о которой намъ, по странной провіи судьбы, единственное доселѣ наглядное представленіе даютъ росписи охотничьяго дворца Дамасскаго халифа, т. н. замокъ Кусейръ Амра (VIII в.).

Въ 1907—8 гг. Н. Я. Марромъ изучена древнѣйшая базилика Ере-руя, близъ ж. д. станціи «Ани», но тогда же задуманная монографія о ней (см. ниже, стр. 407, пр. 2) еще не появилась.

Въ 1908 же году раскопаны были развалины каравансарая, одного изъ тѣхъ приставищъ для разноплеменныхъ торговцевъ и иныхъ странниковъ, которыя облегчали торговыя и культурныя сношенія между отдаленными странами средневѣковаго Востока. Каравансарай этотъ при его небольшихъ размѣрахъ сходенъ однако по типу съ монументальными сооружениями Сельджукидовъ Рума на большихъ торговыхъ путяхъ Малой Азіи; своимъ порталомъ, украшеннымъ орнаментальными и фигурными рельефами сельджукидскаго характера, онъ выходилъ на большую улицу города.

Эта улица, съ идущимъ подъ нею водопроводомъ, и явилась главнымъ мѣстомъ раскопокъ послѣдующихъ 1909 и 1910 годовъ³, хотя производились отдѣльныя изслѣдованія и въ другихъ частяхъ городища, напр. у храма Апостоловъ расчищенъ былъ проходъ Карескихъ воротъ; найдена выше упомянутая (см. стр. 388) грузинская надпись католикоса Епифанія, и хотя Н. Я. Марръ отвлекаемъ былъ отъ Ани большими раскопками, произведенными имъ по порученію Классическаго Отдѣленія нашего Общества въ Гарни, въ развалинахъ храма классическихъ формъ, извѣстнаго подъ именемъ дворца или престола Тирядатова.

Въ слѣдующемъ 1911 году Н. Я. Марръ снова ѣздилъ въ этотъ районъ ради памятниковъ гораздо болѣе древнихъ, каменныхъ «вишаповъ» и стелъ, открытых на Гехамскихъ горахъ, но большая часть лѣта была посвящена X-ой Анійской кампаніи, давшей помимо продолженія большой улицы еще остатки весьма оригинальной, отличной отъ прочихъ, церкви, примыкающей

¹ Fr. Sarre. *Kerzugnisse islamischer Kunst*. Teil II. *Seldschukische Kleinkunst*. 1909. SS. 21—23, Tafel. III—V.

² См. Ernst Herzfeld. *Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra*. Berlin. 1912. SS. 24, Taf. XIII.1, XIV.2.

³ См. Зап. Восг. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. XXI, стр. II—III и XXII—XXV, и Прибавл. къ 39 вып. Изв. Имп. Археол. Комм., стр. 94—97.

многими деталями къ церквамъ древнѣйшимъ; въ томъ же году фотографировались и изучались при помощи спеціаллистовъ по церковнымъ росписямъ Новгорода Н. Л. Окунева и Н. Л. Сычева¹ росписи церкви св. Григорія 1215 г. (см. выше, стр. 386, пр. 2) и жалкіе остатки фресокъ въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ Ани, а равно изслѣдовали развалины одной изъ мечетей.

Отчетъ Н. Я. Марра о раскопкахъ 1912 года, напечатанный въ 1913 г. отдѣльною книгою, рассмотрѣнъ выше².

Въ 1913 году работы велись отчасти уже воспитанною за предыдущіе годы «анійскою школою» учениковъ Н. Я. Марра; главною задачею было отысканіе извѣстнаго изъ письменныхъ источниковъ дворца князя Абул-Гаріба, X вѣка, но среди открытыхъ на соответственномъ мѣстѣ остатковъ здапій слѣдовъ дворца, вѣроятно совершенно разобраннаго въ позднѣйшую пору жизни города, не оказалось³. Въ этомъ же году намѣчены были и работы для слѣдующаго: поиски дворца древне-армянскихъ феодаловъ близъ церкви въ сел. Башъ-Шурагель.

Раскопки 1914 года тамъ по преимуществу и сосредоточились; вели ихъ также ученикъ Н. Я. Марра; искомаго дворца не оказалось, но разрытъ былъ рядъ могилъ языческаго еще періода, близъ церкви, построенной царемъ Смбагомъ II, въ X в. Въ самомъ Ани произведены были значительныя раскопки къ востоку отъ Дворцовой церкви, о результатахъ которыхъ мы упоминали уже выше.

Наконецъ даже истекающій 1915 годъ, наименѣе удобный для какихъ либо научныхъ работъ, тяжелый годъ войны, навсегда отбывшій у «анійской школы» одного изъ наиболѣе ревностныхъ и полезныхъ членовъ ея, Николая Николаевича Тихонова⁴, и сократившій число рабочихъ до одного арзерумскаго бѣженца, и этотъ годъ не заставилъ Н. Я. Марра спустить русскій флагъ, который развѣвается надъ развалинами Ани въ теченіе каждой археологической кампаніи: въ музеяхъ попрежнему велись работы надъ разборомъ и упорядоченіемъ добычи прежнихъ лѣтъ; систематически обозрѣвались сотни пещеръ, высѣченныхъ въ стѣнахъ сосѣднихъ съ Ани ущелий; архитекторомъ Н. Г. Буніатовымъ съ помощникомъ обмѣрены были

¹ Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Арх. Общ., XXI, стр. XLVI—XLVIII; Зап. Классич. Отд. Импер. Русск. Арх. Общ., т. VII, стр. 198; Прибавл. къ 44 вып. Извѣстій Импер. Археол. Комиссіи, стр. 2—3.

² См. выше, стр. 381; ср. Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Арх. Общ., XXI, стр. LXIX—LXXI.

³ Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Арх. Общ., XXII, стр. XXVII—XIX.

⁴ См. некрологъ его, напечатанный Н. Я. Марромъ въ Тифлисской газетѣ «Кавказское Слово», № 149, 3 іюля 1915 г.

круглая церковь Григорія Абуґамренцъ и столь драгоценная для исторіи древне-христіанской архитектуры Передней Азіи базилика Эреруя, чѣмъ и подготовлены матеріалы еще для двухъ выпусковъ «Памятниковъ Армянской Архитектуры».

Таковы вкратцѣ и въ главѣйшемъ археологическія работы Н. Я. Марра и созданной имъ анійской археологической школы на городищѣ бывлой столицы Великой Арменіи, единственныя научныя работы, которыя велись тамъ со времени включенія городища въ предѣлы Россійской Имперіи.

Теперь городище это стараніями Н. Я. Марра, переставъ быть «оброчною статьею» государства перешло въ собственность Императорской Археологической Коммиссіи; которая дала средства для двухъ первыхъ археологическихъ кампаній въ Ани и поддерживала археологическія работы тамъ въ первые четыре года по возобновленіи раскопокъ въ 1904 году (Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1910, стр. 442); главную же часть матеріальныхъ расходовъ на изученіе и поддержаніе разваливъ Ани давали армянскія общества и частныя лица и добывалъ самъ Н. Я. Марръ публичными чтеніями, изданіями и т. п.

Помимо тѣхъ двухъ трудовъ его, которые мы разбирали сегодня подробно, памятники Ани и его области разрабатывались имъ и его сотрудниками въ рядѣ работъ, разбирать которыя не входятъ въ нашу сегодняшнюю задачу и которыя многимъ изъ васъ хорошо извѣстны; часть ихъ (шесть книжекъ) образуютъ даже особую «Анійскую Серію»; въ числѣ ихъ имѣется и «Краткій путеводитель по городищу Ани», составленный І. А. Орбели, и три каталога хранимыхъ въ музеяхъ Ани разнообразныхъ древностей, составленные отчасти Н. Я. Марромъ, отчасти І. А. Орбели.

Знакомство съ музеями этими необходимо въ настоящее время для всякаго, кто хочетъ научно изучать древности средневѣковаго Востока.

Музей, устроенный въ 1904 въ мечети Мануче, содержитъ въ себѣ разнородныя вещи, начиная съ находокъ въ могилахъ языческаго періода, разрытыхъ близъ деревни Ени-Ави, и кончая монументальнымъ изображеніемъ царя Гагяка и моделі церкви, которую держалъ въ рукахъ онъ и, надо думать, какая то другая подобная же фигура; прочія же скульптурныя издѣлія изъ камня, орнаментальныя части и надписи хранятся въ другомъ музеѣ, построенномъ въ 1908 году на средства, предоставленныя Советомъ по управленію имуществомъ Петроградскихъ армянскихъ церквей и двумя частными лицами (П. О. Гукасовымъ и А. И. Манташевымъ)¹.

¹ І. А. Орбели. Каталогъ Анійскаго Музея, I (Анійская Серія. № 3), стр. V.

При музеѣ существуетъ специальная библіотека. Для работающаго въ Ани персонала выстроены особый домъ со специальною фотографическою комнатою. Имѣется обильный запасъ необходимыхъ для веденія раскопокъ инструментовъ и приспособленій. Словомъ, на городищѣ Ани de facto существуетъ уже тотъ Анійскій Археологическій Институтъ, получить юридическую организацію котораго помѣшало лишь начало войны. И дѣйствительно, богатыми и разнообразными результатами анійскихъ раскопокъ поставлены нынѣ на очередь научныя задачи, выходящія, по замѣчанію Н. Я. Марра, «за предѣлы подготовки каждаго отдѣльно взятаго ученаго» и требующія, кромѣ прочаго обезпеченія продолженія раскопокъ, устройства «спеціальной лабораторіи съ обширнымъ музеемъ на мѣстѣ», т. е. археологическаго института¹. Мысль Н. Я. Марра не осуществлена еще въ полномъ объемѣ, но и въ настоящее время Ани по средствамъ, назначаемымъ для его изученія, и по мѣрамъ, принимаемымъ для его охраны, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто среди памятниковъ средневѣковой культуры Востока, находящихся въ предѣлахъ Россіи, да пожалуй и вѣсь. Такіе результаты достигнуты были Н. Я. Марромъ только послѣ долгой борьбы съ научными, національными и политическими предрасудками. Недовѣріе къ его работамъ проявлялось нѣкоторое время даже и среди главныхъ жертвователей — представителей армянскаго образованнаго общества, смотрѣвшаго на развалины Ани, какъ на свое національное достояніе², и неохотно мирившагося съ болѣе широкой постановкой научныхъ изслѣдованій, при которой изученіе Ани и охрана его памятниковъ становятся правомъ и обязанностью русской и міровой науки. Нуженъ былъ научный энтузіазмъ Н. Я. Марра, его горячая вѣра, если не въ своя личныя силы, то въ свое дѣло, чтобы постепенно устранить всѣ подозрѣнія и сомнѣнія и поставить дѣло изученія Ани на ту высоту, на которой оно стоитъ теперь.

Такимъ образомъ только трудами Н. Я. Марра, его энергіей и организаторскими способностями Россія исполнила тѣ обязанности передъ ученымъ міромъ, которыя принесло съ собой включеніе Анійскаго городища въ наши предѣлы при окончаніи прошлой русско-турецкой войны.

Мало того, результаты трудовъ Н. Я. Марра позволяютъ думать, что, если и текущая война расширитъ предѣлы Россіи въ Передней Азіи,

¹ См. З. В. О. И. Р. А. О., XXI, стр. XXV, и, особенно, его же записку «Объ учрежденіи Анійскаго Археологическаго Института» въ Извѣстіяхъ Импер. Академіи Наукъ. 1910, стр. 438—446. Напомнимъ, что наше Общество присоединило свой голосъ къ ходатайствамъ объ осуществленіи этого проекта.

² См. послѣловіе Н. Я. Марра къ «Реестру предметовъ древности изъ VI (1907 г. археологической Кампаніи въ Ани)» (Анійская Серія, № 2). СПб. 1908, стр. 56 сл.

то теперь, благодаря существованію ашійской школы, мы являемся болѣе подготовленными для археологическаго изученія новыхъ областей, чѣмъ то было четверть вѣка тому назадъ, до начала работъ Н. Я. Марра на Ашійскомъ городищѣ.

Результаты этихъ археологическихъ работъ въ Ани, которыя могутъ отнынѣ продолжаться и впредь въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, созданныхъ на мѣстѣ Н. Я. Марромъ, уже совершенно измѣнили и установившіеся въ исторической наукѣ взгляды на прошлое не только Ани, но и всей культурной жизни армянскаго народа.

До работъ Н. Я. Марра болѣе авторитетными историческо-археологическими трудами объ Ани являлось изданіе Броссе *Les ruines d'Ani* съ нѣкоторыми отдѣльными статьями его же, и трудъ мхитариста Алишана (см. выше, стр. 378—379). Не только армянскимъ ученымъ, но и европейцемъ-академикомъ усвоено было то пониманіе армянской исторіи, которое было выработано національными армянскими историками и для критики котораго тогда еще не было данныхъ.

Въ глазахъ армянъ городъ Ани имѣлъ значеніе только, какъ столица армянскихъ Багратидовъ, хотя городъ существовалъ и позднѣе до 1319 года, когда будто бы былъ разрушенъ землетрясеніемъ¹. Броссе различалъ въ исторіи Ани четыре эпохи: армянскую, греческую, грузинскую и монгольскую, къ которой впоследствии присоединялъ еще пятую, мусульманскую (между греческой и грузинской)², но и Броссе эпохой блеска Ани считалъ эпоху Багратидовъ и былъ склоненъ къ этой эпохѣ относить все лучшія зданія Ани. Въ одномъ изъ этихъ зданій, посвященъ у мѣстныхъ турецкихъ крестьянъ сказочное имя чертоговъ Нуширвана, армяне видѣли «Дворецъ Багратидовъ»: противъ такого опредѣленія высказался еще А. Н. Муравьевъ³, отчасти по тѣмъ же соображеніямъ, какъ впоследствии Н. Я. Марръ и его сотрудники (мѣстоположеніе, особенно близость къ стѣнамъ города). Соглашалась съ этимъ, Броссе полагалъ, что этотъ «нижній дворецъ», какъ его тогда называли въ наукѣ, есть «дворецъ Пахлавидовъ, могущественныхъ вассаловъ Багратидовъ»⁴.

¹ Самый фактъ землетрясенія пока не подтверждается свидѣтельствами современниковъ: землетрясеніе въ Ани такой силы, что имъ былъ разрушенъ городъ, вѣроятно, было замѣчено въ нѣкоторыхъ областяхъ Персіи. 1319 годъ принадлежитъ къ эпохѣ, о которой персидскіе лѣтописцы сообщаютъ довольно подробныя свѣдѣнія, но въ разсказахъ о событіяхъ 1319 года нѣтъ ни слова о землетрясеніи.

² Объ этихъ двухъ дѣленіяхъ см. [Laurent Brosset.] *Bibliographie analytique des ouvrages de M-r M. F. Brosset. St. Pétersbourg, 1867, col. 296 et 317.*

³ Грузія и Арменія, II, стр. 285.

⁴ *Les ruines d'Ani*, p. 47, cf. *ibidem*, p. 138 о постепенномъ выселеніи жителей послѣ греческаго завоеванія.

Для Н. Я. Марра уже раскопки 1892—93 гг. выяснили, что «падение багратидскаго царства и потеря анійскими армянами самостоятельности отнюдь не знаменовали паденія армянскаго искусства въ Ани» (Зап. Вост. Отд. И. Р. А. Общ. XVII, 1906, стр. XXVI), что «въ эпоху политической зависимости, съ половины XI-аго по XIV-ый вѣкъ, Ани не перестаетъ цвѣсти и развиваться, какъ армянскій городъ»¹.

Выяслилась съ другой стороны и исторія возникновенія города въ X вѣкѣ: раскопками обнаружена была первоначальная стѣна города, построенная въ 964 г. царемъ Ашотомъ III и ограждавшая далеко менѣе половины пространства, отмежеваннаго для города при постройкѣ новыхъ стѣнъ слѣдующимъ царемъ Смбагомъ II (977—989 г.); но эти стѣны Багратидской постройки скрыты были позднѣе возведенными на нихъ и предъ ними въ эпоху уже мусульманскаго владычества тѣми величественными стѣнами, которыя представляютъ собою крупнѣйшую изъ анійскихъ развалинъ.

Изслѣдованіями этихъ развалинъ и раскопками городища окончательно было опровергнуто мнѣніе объ Ани, какъ о памятникѣ исключительно эпохи Багратидовъ и національно-армянской культуры. Съ одной стороны изученіе древнѣйшихъ церквей въ Ани (церковь Дворцовая и отрытая въ 1911 году) и въ его окрестностяхъ (Ереруйская базилика)² обнаружило въ нихъ памятники болѣе ранней эпохи сирійскаго культурнаго вліянія на Арменію V—VI вѣковъ; а съ другой—даже самый блестящій памятникъ эпохи Багратидовъ, громаднѣйшій круглый храмъ, построенный царемъ Гагикомъ I въ 1001 году, обнаружилъ слѣды мусульманскаго культурнаго вліянія: изваянный въ размѣрахъ болѣе натурального роста царь-строитель носить на груди большой крестъ-складень, но на головѣ огромную мусульманскую чалму съ тиразомъ; въ такой же чалмѣ представлеиъ и братъ его Смбагъ II на барельефѣ въ Агабатовомъ монастырѣ³.

¹ Въ статьѣ Н. Я. Марра: Ани, столица древней Арменіи. Историко-археологическій набросокъ (въ сборникѣ: Братская помощь армянамъ. Изданіе 2-ое. Москва. 1898 г., стр. 196—222, съ 8 рис.), см. стр. 207.

² О базиликѣ этой писалъ еще Аби хъ, давшій неточный планъ ея; лучше планъ Торамана (Токорскій храмъ, [см. выше, стр. 384, прим. 2] рис. 18). Н. Я. Марръ опредѣлилъ ея значеніе въ докладѣ «Ереруйская базилика, армянскій храмъ V—VI в.» (З. В. О., XVIII, 1907, стр. XII—XIV) и въ статьѣ: «Новыя археологическія данныя о постройкахъ типа Ереруйской базилики» (ib., XIX, стр. 064—068). См. Изв. Имп. Акад. Наукъ. 1909, стр. 1091.

³ Подробное изслѣдованіе о чалмѣ далъ Н. Я. Марръ въ книгѣ «О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г.». СПБ. 1907, стр. 21 слл. 19—30; на стр. 19 вмѣсто «съ красною полосою надъ лбомъ» слѣдовало бы сказать «съ красными арабскими буквами», т. е. съ тиразомъ, о значеніи котораго не упоминается. Къ изданной (на рис. 16) плетеной, какъ корзина, чалмѣ на армянскомъ царѣ Смбагѣ мы можемъ указать интересную, хотя и позднѣйшую аналогію въ чалмѣ персидскаго шаха Исмаила I Сефевида на портретѣ его у Павла Ювіа (Elogia virorum bellica virtute illustrium. 1575, fol., p. 254).

Это влияние иноземной культуры должно было проявляться еще сильнее послѣ разрушенія Багратидскаго царства, когда городъ Ани, послѣ кратковременнаго господства византійцевъ, вошелъ въ составъ сначала мусульманскаго владѣнія, а потомъ грузинскаго царства. Когда Грузія и Армения стали частями государства персидскихъ монголовъ, то Ани причислялся къ Грузіи, а не къ Великой Арменіи, центромъ которой былъ городъ Ахлатъ на берегу Ванскаго озера¹. Но теперь Ани, какъ городъ, переживалъ подъ иноземною властью болѣе блестящую эпоху своего развитія, чѣмъ при Багратидахъ. По замѣчанію Н. Я. Марра (З. В. О. И. А. О., т. XXI, стр. LXX) «въ Ани все росло, развивалось и перестраивалось вплоть до второй половины XIII вѣка», и мнимый дворецъ Багратидовъ, съ его великолѣпнымъ, раздѣленнымъ мусульманскими звѣздчатыми узорами, порталамъ, оказался домомъ какого либо «князя или парона» XII—XIII вѣка².

Не вполне выясненнымъ остается, насколько развитіе города прервано было разрушеніемъ его въ 1064 г., при взятіи его сельджукскимъ султаномъ Альп-Арсланомъ. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей Н. Я. Марръ пишетъ, что «послѣ разгрома сельджуками не осталось камня на камень»³. Едва ли однако эти слова должны быть понимаемы буквально; установленные путемъ раскопокъ факты едва ли могутъ приводить къ заключенію, что въ Ани во второй половинѣ XI в. были разрушены до основанія всѣ зданія болѣе ранней эпохи, въ томъ числѣ огромный соборъ; изложенная выше исторія Дворцовой церкви явно тому противорѣчатъ. Во всякомъ случаѣ большой торговый и промышленный городъ быстро возродился къ новой жизни, что было связано съ общими условіями историческаго развитія того культурнаго міра, въ которомъ Ани и вся Армения были только небольшимъ уголкомъ. Одинъ изъ учениковъ Н. Я. Марра, Г. А. Орбели, справедливо связываетъ расцвѣтъ Ани съ «общимъ развитіемъ городской жизни въ мусульманскихъ странахъ Передняго Востока»⁴.

Но если раскопками вскрыто было это процвѣтаніе Ани въ эпоху его предполагаемаго упадка, что съ другой стороны раскопки же освѣщаютъ и темную эпоху постепеннаго упадка и заустѣнія города; онѣ открываютъ убогія жилища, прлѣпленные къ Ашотовымъ стѣнамъ или кое какъ сложенные изъ растащенныхъ камней пышныхъ зданій внутри разваливъ бы-

¹ См. В. В. Бартольдъ. Персидская надпись... (Анйская Серия, № 5), 1911, стр. 23 сл.

² Г. Орбели. Краткій путеводитель... (Анйская серия, № 4), стр. 54.

³ Н. Я. Марръ. Кавказскій культурный міръ и Армения (Ж. М. Н. Пр. 1915, июнь, стр. 318), отд. отт., стр. 41.

⁴ Орбели. Развалины Ани. СПб. 1911, стр. 19. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Нева» 1911 г., № 3). Армянскій переводъ, принадлежащій еп. Лукику, съ приложеніемъ перевода надписей Епифанія и Абу-Саида, напечатанъ въ эчмиадзинскомъ журналѣ «Ара-ратъ», 1911, №№ 4, 5, 6, 7, 8; отд. отт., Эчмиадзинъ, 1911.

лых дворцовъ и церквей, онѣ показываютъ, какъ церкви служили поздне конюшнями, какъ въ высокой насыпи мусора надъ прежними мощными камнемъ полами эти послѣдніе обитатели Ани устраивали свои очаги и «тондыры»; но онѣ же не даютъ пока никакихъ основаній предполагать какой либо катастрофическій конецъ города, который утверждался армянской исторической традиціей и поверхностными впечатлѣніями путешественниковъ. Городъ умеръ естественной смертью въ силу какихъ либо сложныхъ общесторическихъ причинъ и постепенно хирѣя превратился въ жалкое деревенское поселеніе среди величественныхъ развалинъ. Н. Я. Марру и его соотрудникамъ осталось, повидимому, неизвѣстнымъ, что время существованія послѣдняго армянскаго поселенія на мѣстѣ Ани можетъ быть опредѣлено довольно точно. Въ 1647 г. турецкій путешественникъ Эвлія-Челеби нашелъ подъ цитаделю, т. е. именно близъ Ашотовыхъ стѣнъ, деревню, населенную армянскими крестьянами¹; а въ 1694 году, когда здѣсь проѣзжалъ Gemelli-Cargeri, деревни уже не было и путешественникъ видѣлъ только пастуховъ курдовъ².

Для Н. Я. Марра изученіе Ани является только одной изъ научныхъ задачъ, поставленныхъ имъ на очередь, и притомъ далеко не главной. Кругъ научныхъ интересовъ его, очерченный имъ самимъ въ рѣчахъ: «Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія» (ЖМНПр., 1909, июль), «Кавказъ и памятники духовной культуры» (Изв. И. Ак. Н. 1912, стр. 69 сл.) и «Кавказскій культурный міръ и Армения» (ЖМНПр., 1915, июнь), обнимаетъ всю жизнь кавказскаго культурнаго міра и «лѣтисческой», по терминологіи Н. Я. Марра, семьи народовъ, насколько жизнь эта отразилась въ языкѣ, вѣрованіяхъ, бытѣ, письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ, отъ эпохи болѣе ранней, чѣмъ клинообразныя надписи, до нашихъ дней.

Отъ древнѣйшихъ, не укладываемыхъ въ какія либо доступныя нашему пониманію хронологическія рамки, эпохъ лингвистическаго единства народовъ лѣтисческихъ съ семитическими, отъ пѣмыхъ, неподдающихся пока никакимъ археологическимъ сопоставленіямъ³, монолитныхъ рыбъ Ге-

¹ Эвлія-Челеби. Константинопольское изданіе, т. II, стр. 330.

² Collection de tous les voyages faits autour du monde. II. 1788, p. 94. Теперешняя турецкая деревня Ени-Ани (Новое Ани), упоминаемая путешественниками и въ началѣ XIX вѣка, — причѣмъ Texier среди ея жителей называетъ и армянъ, — стоитъ внѣ стѣнъ древняго города.

³ Кромѣ развѣ полуфантастическихъ и разнорѣчивыхъ показаній арабскихъ географовъ о какихъ то талисманахъ въ видѣ изваяній рыбы и быка, находившихся на горѣ у Нехавенда и обезпечивавшихъ неизсякаемость стекавшихъ оттуда въ городъ источниковъ: см. Barbier de Meynard. Dictionnaire géographique de la Perse, p. 575; арабскіе тексты: Ибн-ал-Факихъ см. Bibl. Geogr. Arab. V, 259 (рыба и быкъ изъ свѣга, не тающаго ни зимой, ни лѣтомъ); Абу Дулефъ — у Якута IV, 828 (изъ камня). О «вишанахъ» Гехамскихъ горъ смѣ

хамскихъ горъ, отъ автохтонной, своеобразной культуры давно утратившихъ природный языкъ свой курдовъ, самое имя которыхъ и для азіатскихъ сожителей и для европейскихъ изслѣдователей представляется отрицаніемъ всякой культуры, научная пива, на которой болѣе четверти вѣка трудится Н. Я. Марръ, простирается до современныхъ намъ этнографическихкихъ и лингвистическихкихъ загадокъ, которыя представляютъ собою различныя мелкія народности, запянные исторіей въ тѣснины Кавказа, и до сохранныхъ на мѣстѣ свой жизненный интересъ и подчасъ остроту историческихкихъ вопросовъ о взаимоотношеніи православныхъ церквей Иверской и Россійской.

Созданная Н. Я. Марромъ «яфетическая теорія» станетъ, вѣроятно, современнымъ незабываемымъ «яфетидскимъ элементомъ» при будущихъ построенияхъ исторіи и лингвистики Передней Азіи и Месопотаміи и заполнить собою ту пустоту, которая уже чувствовалась многими.

Приведемъ одинъ лишь мелкій примѣръ изъ области археологіи, какъ ближайшимъ образомъ насъ сегодня и здѣсь касающейся. Покойный В. В. Стасовъ одновременно съ Броссе и Лонперье писалъ въ изданіяхъ нашей Академіи¹, лѣтъ сорокъ пять тому назадъ, объ одной бронзовой фигуркѣ птицы съ человѣческой головой и руками, найденной въ Вагѣ. Подобнаго рода фигурокъ, служившихъ ручками бронзовымъ котламъ архаическаго періода, извѣстно теперь много и изъ раскопокъ въ древнѣйшихъ греческихъ святилищахъ и изъ гробницъ Этруріи и изъ Арменіи; о нихъ создалась на Западѣ нѣкоторая литература съ довольно противорѣчивыми, конечно, мнѣніями: одни считали фигурки эти египетскими, другіе ассирійскими или вавилонскими, третьи финикійскими; покойный Ад. Фуртвенглеръ нѣсколько разъ мимоходомъ говорилъ о нихъ, отлагая спеціальное изслѣдованіе до будущаго, каковымъ оказалась, увы, его смерть; послѣднимъ его опредѣленіемъ этимъ фигуркамъ было «экспортъ изъ Сивопа», за чѣмъ скрывалось, очевидно, признаніе Ванскаго ихъ происхожденія. Во всей этой литературѣ находимъ мы ссылки на краткую и довольно безсодержательную замѣтку о нихъ Броссе, и рѣдко кто упоминаетъ объ обстоятельной, напечатанной тамъ же и по французски же, статьѣ

Н. Я. Марръ печатно упоминаетъ пока лишь кратко: Изв. А. Наукъ, 1912, стр. 77, и Ж. М. П. Пр. 1915, июнь, стр. 283.

Это неожиданное открытіе произвело, однако, и въ армянскомъ обществѣ такое впечатлѣніе, что одинъ изъ современныхъ армянскихъ писателей, Атрпетъ, выпустилъ въ 1911 году въ Александрополѣ иллюстрированную (но по фантази, а не по памятникамъ) «легенду» Вишанамайръ (т. е. Мать вишановъ).

¹ Bulletin de l'Académie, t. XVI, 1871, col. 526—548; Melanges Asiatiques, VI, 1873, pp. 493—523. Замѣтка Броссе ib., col. 461—464, pp. 488—490, съ 1 рис. и 2 табл.

В. В. Стасова. А въ этой прекрасной для своего времени работѣ В. В. Стасовъ пришелъ къ категорическому заключенію, что разсматриваемая имъ фигурка переднеазиатскаго происхожденія не принадлежитъ къ произведеніямъ ни семитическаго, ни арійскаго искусства; онъ замѣчалъ въ ней «третій элементъ, чуждый и семитическому и арійскому», но не могъ тогда «опредѣлить, какой національности элементъ этотъ принадлежитъ»; въ наукѣ того времени не существовало пужнаго ему слова, и слово это: «*яфетическій*» произнесено въ наши дни Н. Я. Марромъ.

Его работы, посвященныя языку, письменности и древнѣйшимъ вещественнымъ памятникамъ «яфетическихъ» народовъ открыли наукѣ несравненно болѣе широкіе горизонты, чѣмъ какіе могло дать изученіе одного небольшого армянскаго города, носившаго древнѣйшее «яфетическое» имя Ани, но расцвѣтшаго лишь на краткое сравнительно время трехъ-четырехъ столѣтій: X—XIII вѣковъ. Если работы по изученію этого города и занимаютъ лишь второстепенное мѣсто въ широкой научной дѣятельности Н. Я. Марра, то сами по себѣ онѣ таковы, что имъ должно быть отведено одно изъ первыхъ мѣстъ среди работъ по изученію вещественныхъ памятниковъ прошлаго, находящихся въ Россіи, и въ особенности памятниковъ, относящихся къ средневѣковому Востоку.

Вотъ почему мы и полагаемъ справедливымъ представить Императорскому Русскому Археологическому Обществу, къ награжденію золотою медалью имени гр. А. С. Уварова, труды Николая Яковлевича Марра по научному изслѣдованію Ани, явившіеся въ періодъ 1912—1915 гг. и стоящіе въ столь тѣсной связи съ его предыдущими многолѣтними работами.
